

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 80-81 Санкт-Петербург 1996г.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Мы поздравляем всех верующих христиан среди наших читателей, и с Новым годом - верующих всех религий и неверующих.

Некоторое время тому назад Президент России обмолвился несколько странными словами, что, мол, России нужна новая идеология. Об этом, впрочем, думают многие. В 1993 году в Москве была даже целая конференция, посвященная поискам новой идеологии. Лев Тимофеев на страницах "Русской Мысли" тотчас же предложил в виде "новой идеологии" здравый смысл. Самому Льву Тимофееву мы никак не отказываем в здравом смысле, что он и доказал перед выборами президента. Мы, к сожалению, напророчили, удивившись тому, что "Русская Мысль" печатает здравомыслящего автора; теперь она перестала его печатать.

Но все же, здравый смысл - не идеология. И мы сомневаемся в том, что России нужна идеология. Мы вообще сомневаемся в том, что кому бы то ни было нужна идеология. Ф. А. Степун говорил, что идеология - это закостеневшая идея. В самом деле, идея - это нечто живое, способное развиваться, меняться вместе с идущей вперед жизнью, давать импульсы ей и принимать от нее. Идеология же схватывает жизнь мертвой хваткой и, если не может убить ее совсем, то калечит ее и делает трудно выносимой. Россия уже достаточно намучилась в тисках идеологии. Не надо больше никаких идеологий. Нужны свежие живые идеи. Идеология пытается убедить людей, что нашла раз и навсегда ответы на все жизненные проблемы. На самом деле готовых ответов на все проблемы не существует, и живая жизнь все время ставит новые вопросы и дает на разрешение новые проблемы.

В чисто земных рамках, в рамках общества или истории эти проблемы никогда не смогут быть разрешены. Совершенное общество никогда не может быть построено, рая на земле не будет, а если б он был возможен, то вставал бы новый страшный вопрос, который с безысходным отчаянием в душе

задавал атеист Герцен: кто этот Молох, который измученным и изнуренным толпам, кричащим ему "morituri te saluant", только и умеет ответить, что после их смерти жизнь на земле будет прекрасна, и неужели наше поколение призвано держать террасу, на которой будущие люди будут танцевать? Бердяев называет мечты о совершенном обществе будущего вампиризмом. Это, якобы совершенное, общество будущего станет питаться кровью прошедших поколений. И все это упирается в знаменитую слезинку ребенка Достоевского, которой не стоит все будущее земное счастье. Но этого будущего счастья всего человечества и не может быть. Оно призрачно. Это напоминает старый советский анекдот. "Коммунизм показался на горизонте." - "А что такое горизонт?" - "Это воображаемая линия, которая удаляется по мере того, как к ней приближаешься." И какие только кровавые жертвы не приносились этому молоху-призраку! Существует интересный испанский анекдот, начинающийся как будто бы банально. Вечно спешащий куда-то американский турист испортил ботинки и принес их в починку испанскому сапожнику. Тот сказал, что он может зайти за ними завтра. Американец пришел, но ботинки не были готовы; и так продолжалось несколько дней - испанец повторял свое любимое "маньяна" ("завтра"). Наконец американец взорвался: "Ты все говоришь "приди завтра!", я прихожу, а ботинки не готовы." Сапожник ответил: "Разве ты когда-нибудь пришел завтра? Ты всегда приходишь сегодня."

Так и все те идеологи, что обещают рай на земле в будущем, "забывают" сказать людям, что никто никогда не живет в будущем, все всегда живет в настоящем. Христианство знало это всегда. На вопросы "какое время самое важное", "какой человек самый важный" и "какое дело самое важное" христианство отвечает: самое важное время - настоящее, мы только им владеем, ни прошлое, ни будущее не в нашей власти; самый важный человек - тот, с которым Бог нас свел в данный момент, а самое важное дело - это сделать этому человеку добро.

Это не значит, что люди, которым поручено править государством, областью или городом, должны пустить все на

самотек, а не делать расчетов на ближайшее будущее, стараться направить развитие по пути, который они считают правильным. Они должны иметь какие-то планы и стараться необходимое просчитать вперед. Но они должны это делать без глобальных обобщений, без абсолютизации своих планов и действий. Они могут и должны преследовать скромные цели на обозримое будущее, но не должны ставить всю живую жизнь на службу всемирной утопической Цели, как это делали коммунисты.

Маркс писал об отчуждении рабочих в разных аспектах. Христианство говорит о совсем другом отчуждении не только рабочих, но и всех людей: это отчуждение человека от Бога, возникшее после первородного греха. Искушение, которому поддался первый человек, было обещание змиею, что люди станут как боги. Но вместо того, чтобы стать как боги, человек впал в отчуждение от Бога единого, своего Творца, с Которым он должен был, по замыслу Бога, жить в тесном общении, в послушании, но и в творческом содействии. Вместе с человеком впала в отчуждение вся земля, вся природа, которая по словам апостола Павла ждет возвращения к Богу. Весь мир изменится, если кончится это отчуждение. Отчуждение марксистов мизерно и смешно. Они искали его внутри человеческого общества, и преодолеть его хотели тоже в узких рамках все того же человеческого общества. Иными словами, они старались вытащить самих себя за волосы из болота. Конечно, человеческое общество может быть более или менее сносным или почти совсем невыносимым, но совершенным оно никогда не будет. То есть люди своими силами никогда его совершенным не сделают. Искушение, которому поддаются все "благодетели человечества", которому поддались коммунисты, это все то же искушение дьявола "стать как боги", самим создать совершенное общество, сделать новое творение по меньшей мере в рамках человеческого общества "своею собственной рукой". Следование этому старому искушению всегда приводит к обратному результату: вместо совершенного общества и система власти становятся почти совсем невыносимыми.

Своей жертвой Иисус Христос открыл нам путь примирения с Богом, но свободную волю нам Господь оставил. А поэтому мы можем и отвергнуть тот путь, который открыл нам Иисус Христос. А пока большинство людей этот путь или отвергают, или пытаются исказить и сделать его подобным тем самым земным путям, по которым люди все время стараются вытащить сами себя за волосы из болота, что им не удастся и удастся, конечно, не может. Глубинное отчуждение человека от Бога нельзя преодолеть путем массовых акций или создания какого-нибудь плана для всего человечества. Оно преодолевается только через каждого отдельного человека. Ни один человек не может решить за других. Только сам за себя человек может принять решение обратиться к Богу, взять протянутую ему Иисусом Христом руку и пойти за Ним, или нет. Это нелегкое решение, особенно когда вокруг люди живут другими интересами, идут другими путями. Не случайно у Достоевского Великий Инквизитор упрекает Христа, что Он пришел только для сильных, а что же будет с миллионами слабых. Но сила и слабость человека - не неизменные величины, раз данные и застывшие. Если человек искренне стремится к Богу, то Бог дает ему и силу, по мере его продвижения по пути к Нему. Преобразование мира зависит от каждого человека. Оно зависит не от глобальных идей, не от новых идеологий - не нужны они; оно зависит от каждого отдельного человека, его решения открыться Богу, вступить с Ним в живую связь и позволить Ему творить на этом месте дальше. Да позволить Богу творить. Конечно, Бог всемогущ, но Он дал человеку свободную волю и уважает ее. Он не насилует человека. Он ждет согласия человека. Он ждет, чтобы человек открылся Ему, и тогда Он начинает в нем творить. Каждый человек ответственен за мир, но не так, как думали русские революционеры. Они хотели своими идеями, своей волей преобразовать Россию и весь мир. Из этого своеволия не могло произойти ничего, кроме насилия, и чем глобальнее были идеи, тем страшнее становилось насилие. Осчастливить людей насильно - нельзя. Этого не делает даже Господь. Но чем больше людей открывается Господу, тем шире может быть творение, тем больше приближается мир к своему решающему

преобразованию. Ответственность лежит на каждом человеке. Никто не имеет права сказать, что от него ничего не зависит.

Конечно, люди имеют право стараться в рамках земных возможностей урегулировать то, что они могут урегулировать, но они должны помнить, что земными средствами они не построят ничего совершенного. Чем больше люди усовершенствуются в какой-либо научной или технической области, тем более страшные проблемы возникают перед ними. Открытие расщепления атома уже привело человечество не к грани всеобщего счастья, а на грань глобальной гибели. Вторжение в мир генов может привести к еще более страшным последствиям. И тогда даже долготерпению Божию может наступить конец.

Только преодоление одного-единственного отчуждения, отчуждения человека от Бога, может преобразить мир.

Вера Пирожкова

Потерянное поколение.

Продолжение. Начало см. "Голос Зарубежья" №№ 49-52,
55-57, 61-65, 72/73, 76/77, 78/79.

Часть вторая: "Война"

Глава четвертая: "Бегство"

19 февраля 1944 года я была в бане, так называемой Гельтовской, на Пскове. Я уже вымылась, была в раздевалке, вытерлась и начала одеваться. Вдруг раздались взрывы, свет погас, стекла вылетели, морозный воздух ворвался в помещение (мороз был приблизительно 20 градусов), из банного помещения раздался вопль мокрых, мыльных женщин, охваченных морозом. Я быстро на ощупь оделась, сошла вниз и хотела бежать домой. А жили мы в то время уже на Запсковье, так как в 1943 году немецкое командование, опасаясь сыпного тифа (хотя эпидемии, к счастью, не было), решило разделить жителей и немецких военных. Дом на Крестьянской улице, где мы жили, должен был отойти к армии, а из других домов солдаты выселены. Наша квартира оказалась на Запсковье.

Однако выйти на улицу было невозможно: все гремело и блистало, бомбы падали непрерывно повсюду. В нижнем этаже двухэтажной баньки собрались постепенно успокоившиеся посетители, и стали ждать конца бомбардировки. Рядом со мной оказалась женщина с двумя маленькими детьми; было очень холодно, и ей трудно было согреть двух малышей. Я взяла одного и укутала в свое пальто, а она закутала другого. Так мы и просидели пять часов. Это была первая страшная бомбардировка советскими самолетами Пскова. Иногда они сбрасывали осветительные ракеты, и тогда почему-то становилось страшнее, хотя логически должно было быть наоборот, - ведь при свете увеличивалась точность попадания, а вряд ли кто-нибудь метил в маленькую баньку, - но в темноте у нас невольно возникало ощущение укрытия. Мы слышали визг каждой летевшей бомбы, и каждая могла упасть на нашу баньку. Но... пронесло. Через пять часов все стихло, и я побежала через реку домой, беспокоясь о родителях. Однако, и дом, где мы жили, стоял на месте - жители отсиделись в подвале. В квартире были выбиты все стекла. Только на кухне, выходявшей окнами на другую сторону, стекла сохранились. Все

сбились в кухне, но долго так оставаться не пришлось: снова началась бомбардировка, продолжавшаяся на этот раз два часа. Ее мы пережидали в подвале. Ночь прошла спокойно. Спали чуть не вповалку на кухне. На другой день в городе было так тихо, что, казалось, повторился 1941 год, когда советские войска вышли из города, а немецкие еще не вошли. Теперь могли выйти уже немецкие, а советские еще не войти. Но вот на улице появились немецкие солдаты: значит, они еще не покинули город. Я пошла посмотреть мосты: все были целы, хотя лед справа и слева был полностью изрыт бомбами; в мосты они не попали, что сохраняло возможность бегства. Стало слышно уханье артиллерии: советские войска приблизились к городу уже на расстояние 30 километров.

Сейчас слышишь только о том, что немцы вывозили русское население на запад. Я лично, не имея возможности проверить этого по достоверным документам, отношусь к таким сообщениям скептически: зачем было нужно отступавшей немецкой армии загружать себя еще русским населением? Куда и зачем нужно было немцам вывозить стариков, женщин и детей? Хотя как-то их устраивать, хоть как-то кормить, хотя самой немецкой армии приходилось уже очень трудно. Я лично знаю, что многие, очень многие русские сами бежали с отступавшей немецкой армией. Никто этих людей точно не считал, их биографии потом перекраивались, да и само их существование замалчивалось или отрицалось, но мне доводилось говорить со многими, из страха перед сталинскими репрессиями уходившими с немецкой армией, причем солдаты и офицеры помогали им вопреки приказу Гитлера. Один русский рассказывал мне как-то уже в эмиграции, что в том месте, где он был, немцы отступили очень быстро; он даже не успел переобуться, и вскочил на немецкий танк, куда его взяли с одной ногой в валенке, а другой - в сапоге. В общей сложности, с отступавшей на запад немецкой армией ушло приблизительно 2 миллиона русских, и это был совершенно исключительный феномен - население уходило с армией противника, больше боясь "своих" властей.

Все это потом замалчивалось, размывалось, скрывалось не только советской пропагандой, но и союзниками, выдававшими беженцев после войны в Сов. Союз насильно. Так же и немецкие источники замалчивают этот факт, поскольку общая установка такова, что зверства и насилия совершал только национал-социалистский режим и никто более. Правды о Второй мировой войне не написал еще никто, и она вряд ли когда-нибудь выйдет на свет Божий.

Люди, выданные советским властям, или так или иначе к ним попавшие, а также по тем или иным причинам добровольно вернувшиеся, конечно, рассказывали, что их вывезли насильно. Так, например, и знаменитый тенор Печковский рассказывал, что он голодал под немецкой

оккупацией и вынужден был петь ради куска хлеба, тогда как на самом деле ему платили хорошо, и он пел не только в Пскове и Риге, но и в германских городах и даже в Вене, где его, однако, встретили не слишком восторженно, так как венцы очень придирчиво требуют школы, а как раз этого Печковскому и не доставало, хотя голос у него был огромный.

Итак, мы бежали, как и многие, очень многие псковичи. Бежали уже на другой день, поспешно и потому неудачно. Правда и то, что жить в квартире без стекол при двадцатиградусном морозе на дворе было бы довольно трудно. Место на грузовике, ехавшем в Ригу, мы получили, но взять с собой смогли лишь самое необходимое. Мне не жаль ничего потерянного. Свой рояль мама предусмотрительно продала заранее. Большинство своих книг отец перенес в Псковский педагогический институт, а небольшую часть особенно любимых и важных для него математических книг отправил в Германию через знакомого немецкого солдата, юриста по образованию, отцу этого солдата, художнику из Эйслебена. Эти книги тоже пропали: в Эйслебен сначала вошли американцы, только потом они отдали Тюрингию советским войскам. Американцы облюбовали домик художника для своих солдат и хозяина выселили в течение 24-х часов (когда немцы переселяли, они давали много дней и перевозили на другую квартиру всю утварь переселяемых). Художник не смог взять с собой даже своих книг и, несмотря на шикарные иллюстрации, американцы их все без жалости сожгли, а тем более - книги моего отца по математике. В американском варианте английского языка нет слова "культура", есть только слово "цивилизация". Но мне из всего потерянного больше всего жаль портрета отца, написанного его другом художником Рехенмахером. Теперь он мог бы висеть в Псковском музее, напоминая и о моем отце, и о Рехенмахере.

Когда грузовик переехал Троицкий мост и поехал по Завеличью в западном направлении, я, обернувшись к городу, пообещала: "Я еще вернусь, Псков." Тогда я в это верила. Но шли года и десятилетия, и я все чаще с грустью думала, что своего обещания городу я выполнить не смогу. Но Господь судил иначе: через 48 лет, в 1992-м, я снова приехала в Псков и с тех пор была там уже не раз. Совершилось чудо Господне.

В Риге нам дали квартиру в так называемом Московском форштадте. Там разместились и многие другие беженцы из Пскова. Квартира была скудно, но все же меблирована. Откуда были эти пустые квартиры? Может быть, значение их было страшное? Признаюсь честно, мы тогда как-то не спрашивали, просто не думали об этом. У каждого человека способность внимания к различным происшествиям, круг мышления, способность сопереживания ограничены. У одних больше, у других - меньше, но ограничены они у всех. Внимание наше было настолько занято тем, что мы

сами переживали, как в личном, так и в общем плане, что за горизонтом внимания нередко оставалось то, что при нормальных обстоятельствах заинтересовало бы или заставило задуматься.

Из домашних вещей, посуды и других предметов употребления нам много подарили бывшие ученики моего отца по дореволюционному псковскому реальному училищу. Это были латыши, жившие до революции в Пскове. Они учились у моего отца и один из трех братьев, был товарищем по классу моего брата Алексея. Они бывали мальчиками в семье моих родителей. К ним же попал мой брат Илья, и у них же покончил жизнь самоубийством. Старшего из трех братьев, Вернера, арестовали и вывезли большевики до начала войны, после оккупации Прибалтики в 1940 году, два же других и их жены старались нам помочь. Особенно приветлива была жена старшего из оставшихся братьев. Она хорошо говорила по-русски, тогда как жена младшего язык плохо знала. Оба брата говорили по-русски, конечно, в совершенстве. Они и возили нас на могилу Ильюши. Упреков им мама не делала. Братья были тогда еще подростками, а лежала ли какая-либо вина на их теперь уже покойных родителях, знает только Господь Бог.

В Риге находилась редакция газеты "За Родину", в которой я сотрудничала еще будучи в Пскове. В ней не так давно сменился главный редактор. Нужно сказать, что до тех пор все время находили каких-то малопригодных редакторов. Один раз газета даже вышла с заголовком крупными буквами, что вот, мол, теперь наступило то благополучие, которое все время обещали коммунисты, но не создали. Это был настоящий скандал. Редактора немедленно сняли. Был это дурак или провокатор, я, конечно, не знаю. В общем же газета влечила довольно жалкое существование, но в последнее время начала быстро исправляться. Редактором ее сделали москвича, Анатолия Григорьевича Стенроса, художника-иллюстратора по профессии, талантливого журналиста по призванию, который при советской власти, конечно же, не мог применить своего публицистического дарования.

Когда я была в Берлине во время описанной мной поездки по Германии, я по совету С. И. Климушина зашла в редакцию "Нового Слова" и познакомилась с его редактором Владимиром Михайловичем Деспотули. Деспотули, обрусевший грек, был участником гражданской войны в рядах Белой армии, а теперь - редактором берлинской русской газеты. Я из Пскова написала в эту газету открытое письмо, которое там и было опубликовано. Деспотули оно очень понравилось, он запомнил мою фамилию и потому сразу же принял меня. Он, в свою очередь, посоветовал мне в Риге зайти в редакцию "За Родину" и познакомиться с ее новым редактором Стенросом, а он ему обо мне напишет. Когда мы были на

обратном пути в Риге, я зашла к Стенросу и он сказал мне, смеясь, что после письма Деспотули думал, что я - немолодая женщина и старая эмигрантка из Берлина. Деспотули только предложил ему обратить на меня внимание, но больше ничего обо мне не сообщил. Тогда же мы договорились со Стенросом, что если я попаду в Ригу, - а возможность бегства уже маячила перед нашими глазами, - то найду прямо к нему, и мы договоримся о форме моего сотрудничества.

Как только мы немного устроились в Риге, я пошла в редакцию.

А. Г. попросил меня приходить на работу попозже. Сам он появлялся в редакции, где работа начиналась в 10 утра, не раньше 12-ти, но работал долго вечером, когда все служащие расходились и оставалась только одна дежурная машинистка. Поздно вечером он подписывал сверстанные листы газеты на завтрашний день. А. Г. хотел посмотреть, что я могу делать, и давал мне разные статьи, предлагая дать им оценку. Уже скоро наступил переломный момент в моей работе. А. Г. передал мне очередную статью, а я сказала, что в таком виде ее печатать нельзя. Он возразил, что статья слабая, но печатать можно. Я стояла на том, что в таком виде нельзя, но ее можно улучшить, даже не меняя содержания, только немножко выправить. "Ну, сделайте это", - сказал А. Г. с сомнением в голосе. В тот вечер он ушел домой довольно рано, я же осталась еще работать. Уходя, я положила ему на стол переделанную статью (я стала постепенно сама печатать на машинке, так как дежурная машинистка уходила иногда раньше). На другой день я, как обычно, пришла довольно поздно. А. Г. встретил меня словами: "Что Вы сделали с этой статьей? Это - совсем другая статья, не слабая, а очень хорошая." Я ответила, что статья по смыслу та же самая, пусть он сравнит, я сделала только другую композицию.

Этот опыт оказался настолько убедительным, что А. Г. сразу же предложил мне занять вакантный пост политического редактора газеты. Тогда газета состояла всего из четырех страниц, первые две содержали политику, включая передовую, актуальные сообщения и другие политические статьи с большой подвальной на второй странице, третья страница была литературная, четвертая - иллюстрированная. Литературную страницу делал единственный у нас старый эмигрант или, может быть, просто русский, рижский житель, а иллюстрированную - тот самый Блом из Пскова, который так плохо работал там с молодежью или, вернее, вообще не работал. Он и здесь работал плохо, но страница не была такой уж важной. А вот с политическим редактором А. Г. не везло, и он сам должен был делать эти страницы. По редакции тогда разгуливал и искал беседы немолодой журналист, писавший неплохие статьи, но скучавший в свободное время. Его незадолго до моего появления в редакции А. Г. выписал из Вильно. Читая интересные статьи этого

профессионального журналиста, А. Г. решил, что он мог бы быть политическим редактором. Для этой цели он выписал его в Ригу. Но редактором он оказался никудышным. Он не мог оценить чужие статьи, не мог исправлять, он мог только сам писать. Так он и продолжал писать свои статьи и скучать в остальное время. А. Г. стеснялся отправить его обратно в Вильно, откуда он мог бы, как прежде, присылать свои статьи, а между тем, ненужный приезд в Ригу обернулся для этого человека трагедией. Когда советские войска подошли близко, но еще оставалась возможность переезда из Риги в Вильно или наоборот, он получил от жены, оставшейся в Вильно, телеграмму, состоявшую из двух немецких слов: "warte, komme". Совершенно непонятно, отчего она сэкономила на коротком слове ich, которое поставило бы все на свое место, а так можно было понять телеграмму, будто жена ждет его, и он должен приехать в Вильно, и наоборот - что он должен ждать ее в Риге, а она придет. Время же не ждало, и проезд мог в любой момент закрыться. Он очень мучился и всех нас просил расшифровать телеграмму, но как мы могли решить за него? Я не помню, чем кончилась эта история.

Вернемся к началу моей деятельности в редакции. Итак, я получила место политического редактора, комнату и рабочий стол. Напротив меня в той же комнате за другим столом сидел сотрудник, подбиравший иллюстрации для первых двух страниц, латыш, говоривший по-русски, но не в совершенстве. Его шутивно-дружеским прозвищем было "большучая колбаса", как он однажды выразился. Фамилии его я точно не помню, но все называли его Карлом Карловичем, чем сильно раздражали, потому что он-то как раз и не любил русских имен и отчеств и никогда никого из сотрудников и сотрудниц так не называл. Сначала он не обратил на меня вообще никакого внимания, будто я была бы пустым местом. Впоследствии, когда мы хорошо сотрудничали и были лично в приятельских отношениях, он сказал мне, что за столом политического редактора сменилось уже столько "однодневок", что он ожидал того же и по отношению ко мне, и даже больше - думал, что главный редактор от всех огорчений сошел с ума и посадил за редакторский стол какую-то девочку, которая исчезнет скорее других. Но я не исчезала. И Карл Карлович проникся ко мне таким уважением, что стал единственно меня, самую младшую в редакции, называть по имени-отчеству.

Вскоре А. Г. заменил Блюма, как редактора четвертой страницы, псковской эстонкой Хильдой. Хильда была только на один год старше меня, но работать тоже умела, а иногда мы в коридорах редакции брались по школьному за руки наперекрест и крутились. Конечно, вокруг нас было много злословия, самыми невинными были разговоры, что главный редактор набрал, мол, девочек и командует ими. Но командовать нами

было трудно, мы работали вполне самостоятельно, хотя последнее слово оставалось, конечно, за главным редактором.

Работа редактора ежедневной газеты была напряженной. Дело было не только в том, чтобы отобрать из поступавшего материала подходящий, подготовить его к печати, но иногда, даже часто, принимать решения на ходу. Сколько раз ко мне прибегала наша верстальщица и говорила, что не может сверстать имеющиеся статьи - то одна длиннее на несколько строчек, то в другой нескольких строчек недостает и так далее. И надо было тут же дописывать или сокращать чужие статьи, бережно, осторожно, чтобы не поранить, не исказить материал. Кроме того, была еще немецкая цензура. Главный цензор Дроммерт, выучивший русский язык кабинетно, но знавший его довольно хорошо, был приятным человеком. Он нам ничего не навязывал - его цензура была исключительно охранительной. То или иное он считал невозможным опубликовать, но никогда не требовал напечатать что-либо, чего мы не хотели. Помню, как-то А. Г. уехал на 4 дня и оставил меня заместительницей. И вот поздно вечером, когда я уже подписала страницы, вдруг позвонил Дроммерт: он нашел в одной статье абзац, который можно было понять так, что немцы хотели бы забрать Россию до Урала. Хотел Гитлер этого? Официально, по крайней мере в 1944 году, он этого уже не хотел, да и какой Урал, когда советские войска приближались к границам Балтики. "Что же делать?" - спросил Дроммерт. "Вынуть абзац". "Но мы же не можем оставить белое место!" "Конечно нет, я сейчас напишу другой абзац." Было уже поздно, я очень устала, но абзац написала. Никто потом не заметил, что в этой статье один абзац был вынут и заменен другим, хотя я и просила сотрудников найти его.

Но, кроме вежливого Дроммерта, было и другое начальство. Нам присылали время от времени статьи из Берлина. Кто их писал, мы не знали, но нам они не подходили. Мы писали и печатали антикоммунистические статьи, но ничего национал-социалистского, кроме официальных известий, которые мы были обязаны опубликовать в той форме, в какой они к нам поступали, мы не печатали. Антисемитских статей я тоже не брала. Из местных авторов, не постоянных сотрудников нашей редакции, мне лишь два раза приносили антисемитские статьи. Одну из них, весьма поверхностную, принесла Лабутина. От этой статьи я отделалась скоро. Другую принес брат моей любимой учительницы немецкого языка Лидии Александровны. У нее самой не было и тени антисемитизма, но брат жил в эмиграции, а там было немало людей, искренне убежденных, что советская власть - чисто еврейская власть. Мне было неловко не взять статьи. Я сказала, что должна подумать, положила ее в стол и ждала удобного случая ее вернуть. Советские войска подходили все ближе, и вот он появился в редакции. На нем не было лица, запинаясь, он попросил вернуть ему

статью, если она еще не напечатана. Я очень охотно вынула ее из стола и отдала ему.

Сложнее было со статьями из Берлина. Мы были обязаны их печатать, а я складывала их аккуратно в стол и ни одной не напечатала. Даже те из них, которые не содержали элементов нацизма или антисемитизма, были нам чужды. Они были гладко написанными правильным русским языком и иногда как будто и политически подходящими, во всяком случае некоторые из них, но в них просвечивало полное непонимание пережитого нами, того, что на самом деле творилось с Россией. Нашлись, конечно, “доброжелатели”, доведшие до сведения немецкого начальства, что я не печатаю берлинских статей. Меня вызвали к так называемому группенфюреру, и он прочел мне нотацію, сказав, что статьи, приходящие из Берлина, необходимо печатать. Я промолчала. Потом я рассказала А. Г. об этом, и он вспыхнул: “Если они хотят чего-либо от редакции, то пусть обращаются ко мне, я - главный редактор.” А. Г. был мужественным человеком и брал ответственность за своих сотрудников на себя. Его принципом было, что он доверяет своим сотрудникам. “У меня достаточно работы прочитывать статьи, которые редактора отделов принимают, я не могу читать еще и те, которые они отвергают.” Никто не мог заставить его прочесть отвергнутую редактором отдела статью. “Если я перестану доверять редактору отдела, я его сниму с должности”, - говорил он, - “но пока он (она) редактор, я не намерен вмешиваться в его решения и проверять отдельные статьи.” Однако, удары со стороны немецкого начальства он готов был взять на себя. “Да, меня уже тоже вызывали, - сказал он. - Я им ответил, что буду вести газету так, как считаю нужным, а если этого не допустят, то я лучше уйду с поста редактора. “А на что вы и ваша семья будете жить?” - спросили меня лукаво. “А я пойду в лес дрова рубить.” С главными редакторами этой газеты было уже столько неурядиц, а А. Г. был первым, сделавшим газету читабельной, что его оставили в покое. Статей из Берлина мы по-прежнему не печатали.

Стенрос был его псевдоним. Настоящая его фамилия была Макриди или, вернее, МакРэди, она была явно шотландского происхождения. Но его непосредственные предки приехали в Россию из Швеции “на ловлю счастья и чинов”. Как обычно, счастье, если его усматривать в деньгах, к этим иностранцам и приходило. Семья А. Г. была состоятельной. В детстве у него были бонны, и он говорил по-французски, по-немецки и по-шведски. Его мать, тоже находившаяся тогда в Риге, еще знала шведский язык. Пятнадцати лет мальчик ушел в Белую армию на гражданскую войну, был сильно контужен и заболел сыпным тифом. Его какие-то добрые люди скрыли и вылечили, но когда он начал поправляться, он

должен был заново учиться ходить и говорить. Он забыл все языки, включая русский. Выучил потом он только русский, других языков он так и не наверстал. Он говорил, что когда при нем говорят по-немецки, у него появляется мучительное чувство, что он вот-вот сейчас все поймет, но понимание не приходило.

Оставшись поневоле в Сов. Союзе, А. Г., конечно, скрывал свое участие в гражданской войне и выбрал политически и идеологически нейтральную профессию иллюстратора, используя свой талант к рисованию. Жена его была племянницей белого генерала Дроздовского. Их дочери Кире в то время, когда я с ними познакомилась, было одиннадцать лет. Оба они, живя в СССР, ежедневно боялись ареста, а потому решили официально не вступать в брак, чтобы в случае ареста кого-нибудь одного из них второй мог позаботиться о ребенке. Они поженились уже в Риге. Когда началась война, они были на даче к западу от Москвы, и сознательно остались там ожидать немцев. Их дачное местечко было быстро оккупировано, и немецкие части двинулись дальше. Они попросили двух молодых офицеров предупредить их, если армия будет отступать. Привыкшие к легким победам офицеры только усмехнулись - мы, мол, не отступаем.

Москву отстояли, а зимой началось то, что на языке военных сводок называлось выравниванием фронта, иначе говоря, на некоторых участках фронта немцы отступали. Семья Макриды слышала все время приближающуюся артиллерийскую перестрелку. Они решили, что надо уходить. Положили на саночки самое необходимое и готовились усадить на них тогда 8-летнюю Киру, как вдруг увидели бегущих к ним на лыжах двух человек. Добежав на расстояние голоса и убедившись, что их заметили, они замахали руками и крикнули: "Мы отступаем!" Затем повернулись и побежали обратно. Это были те два немецких офицера, которых Макриды просили предупредить, если их армия будет отступать. Они, видимо, удалились из своей части без разрешения и спешили в нее вернуться, но своего обещания не забыли. Этот и подобные эпизоды, а также и свое собственное бегство мы все вспоминали, когда смотрели по телевидению, как равнодушно американская армия бросала на произвол судьбы вьетнамских антикоммунистов, покидая Южный Вьетнам.

Макриды добрались в конце концов до Риги, где жили к моменту нашего знакомства уже три года. Жена его, Татьяна Николаевна, тоже работала в редакции, секретаршей. Это была удивительно красивая женщина, брюнетка с большими очень темными глазами. Кира походила на нее, и тоже обещала стать красавицей. А. Г. же был типичным шведом - белокурым, голубоглазым, с правильными чертами лица, но небольшими глазами. Он был ровно на 20 лет старше меня и принял по отношению ко

мне немного отеческий тон, что я считала лишним. Помнится, как на какой-то встрече редакции с ее друзьями, где были водка и пиво (вино в Латвии было импортным и во время войны недоступным), А. Г. предостерегал меня после водки ни в коем случае не пить крепкого рижского пива, и как я, поступившая в противовес этим советам, имела удовольствие видеть, как А. Г. слегка пьянел и становился необычно разговорчивым. На меня алкоголь почти не действовал. Несмотря на этот покровительственный тон, А. Г. принимал мою работу весьма всерьез и дорожил моим мнением. Помню наш горячий спор об одной статье: я утверждала, что она вызовет определенную реакцию у читателей, которой мы бы не хотели, и потому ее не следует печатать. Он же утверждал, что она вызовет противоположную реакцию, и отдал распоряжение печатать статью. Потом он имел мужество сказать мне, что она вызвала ту самую реакцию, какую предсказывала я.

Мой рижский период был, конечно, определен сотрудничеством в редакции, и особенно - непосредственным и тесным общением с А. Г. Между нами господствовало не только единомыслие, но и личная симпатия. Была ли я тогда в него немного влюблена? Задним числом мне трудно определить, но если и да, то скорее подсознательно. Для меня и тогда брак был неприкосновенен, особенно если был ребенок, даже если б у меня и создалось впечатление, что он не очень счастлив. Но брак Стенросов был безусловно счастливым, А. Г. и Т. Н. любили друг друга. С Т. Н. у меня были тоже хорошие отношения, хотя она и работала в другом отделе и по работе мы не так часто встречались. Но она иногда делилась со мной опасениями и страхами, присущими нашему трудному времени, о которых А. Г., как "сильный мужчина", молчал.

Весной у нас даже возникла идея снять на взморье общую дачку, где семьи могли бы жить все лето, тогда как мы, "рабочие лошадки", ездили бы туда на субботу и воскресенье. Стенросы в прошлые года снимали там дачу. Ранней весной Т. Н., Кира и я ездили на взморье, но ничего подходящего не нашли. А потом, летом 1944 года, война перечеркнула все дачные планы. Зато прямо из Риги я ездила в предместье, где был лесок и, главное, большое озеро Киш, в котором я и плавала. Ездила на озеро иногда одна, большей же частью - с приятельницей еще по Пскову или же с нашим соседом Назаровым. Это был приятный молодой человек, очень простой в обращении, и хотя мы были почти одногодки, у нас сохранились чисто товарищеские отношения, даже без налета флирта. Плавал он не так хорошо, зато мы брали лодку, и я могла прыгать в воду прямо с лодки. Если я была в лодке одна, то на это не решалась - ведь лодку могло отнести, а когда он сидел в лодке, то нетрудно было снова в нее забраться. Молодость брала свое, и на озере было весело, особенно когда мне дали в

редакции две недели отпуска. Зато когда я вернулась на работу, Карл Карлович приветствовал меня с восторгом: "Наконец-то вы вернулись, без вас никто не мог угодить главному редактору!" В лесу, около озера, был даже маленький ресторанчик. Однажды мы с Назаровым после лодки и плавания изрядно проголодались и попробовали зайти в этот ресторанчик. К чаю нам подали "бутерброды": кусочки черного хлеба с чисто вымытыми листьями салата на них, без масла, без какого-либо майонеза или чего-нибудь еще. "А посытнее у вас ничего нет?" - спросили мы разочарованно немолодого кельнера. "О, есть," - ответил он с заговорщицким видом и... принес нам кусочки хлеба с ломтиками огурца на них. Но это оказалось, и в самом деле, более сытным. Брала я иногда покататься на лодке и маму, отец этим не интересовался. Но однажды мы чуть не утонули в озере Киш. К нам в поездку на лодке напросилась дочь псковской учительницы музыки Барбашиновой. Ей было уже 30 лет, но от рождения она была слабой, с поврежденным сердцем, и, конечно, совершенно неспортивной. Когда мы подошли к озеру, оно оказалось беспокойным, и лодчица, увидев, что в нашей компании нет мужчин, не хотела давать лодку. Но нам не хотелось откладывать своего намерения, и я легкомысленно настояла на катании. Когда мы выехали уже довольно далеко, волнение усилилось, лодку надо было держать носом навстречу волнам: попади она меж них, она б перевернулась. Держать лодку было бы не так трудно, если б... у нее были нормальные уключины. Но вместо них в борт лодки были вбиты две палочки, между которыми лежали весла. И вот одна из задних палочек сломалась. Мне удалось вытащить из дырки переднюю и вставить ее в заднюю дырку, но пока я меняла палочку, лодка уже было чуть не перевернулась. Немного погода сломалась другая задняя палочка, снова я переставила переднюю и снова мы были на грани "крушения". Теперь все держалось на этих двух палочках. Если бы одна из них сломалась, мы бы оказались в воде. Я бы выплыла, выплыла бы и моя мама, если б у нее в ногах не случилось судорог, но молодая Барбашинова пошла бы как камень ко дну, и я не была уверена, что смогла бы ее спасти. Спасать человека, не имеющего понятия о том, как надо держаться в воде, очень трудно - таким сильным и опытным пловцом я не была. Моя мама понимала, в каком опасном положении мы находились, но молчала. А наивная Барбашинова ничего не подозревала и восхищалась волнами. Палочки выдержали и мы доплыли до причала. После перенесенного нервного напряжения я накинулась на лодчицу, упрекая ее в том, что она дала такую плохую лодку, и показала при этом на пустые дырки. Лодчица побледнела и нашла только один комментарий: "Вы очень сильная." А Барбашинова весело поблагодарила нас за приятную прогулку на лодке.

Назаровы, мать и сын, жили рядом с нами, в том же доме, по одному коридору. Я не помню, работал ли где-нибудь тогда сын, но на жизнь зарабатывала мать. У нее была весьма выгодная в то смутное, опасное и тяжелое время “специальность”: она была... прорицательницей. Она говорила, что ей достаточно всмотреться в лицо человека, чтобы узнать не только его характер, но и судьбу. Столько людей тогда боялись как за себя, так и за своих близких и дорогих людей. У нее не было отбоя от клиентов. Иногда звонили к нам, если она не открывала, и робко спрашивали, когда можно попасть к ней. Если я была дома, то реагировала нетерпеливо, отвечая, что здесь не личный секретариат г-жи Назаровой. Мама больше понимала этих бедных людей и была терпеливее. Назарову, видимо, задевало за живое, что я не обращалась к ней за предсказанием будущего, хотя жила рядом. Однажды, поймав меня в коридоре, она предложила мне зайти, пообещав предсказать будущее по-соседски, бесплатно. Мне это было совершенно неинтересно, но из вежливости я пошла с ней. Фантазии у нее оказалось мало, и она “предсказала” мне то же самое клише, которое она, вероятно, говорила всем молодым девушкам: выйдете замуж, будет двое детей. Ничего из этого не исполнилось.

Хоть мой отец был, собственно говоря, уже в пенсионном возрасте, он мучался бездельем и невозможностью заработать деньги, хотя моего заработка хватало на выкуп продуктовых карточек и покупку продуктов на рынке. Мы не голодали. Теперь я уже не помню, через кого и каким образом мой отец получил приглашение из обсерватории Кракова занять там вакантное место сотрудника-астронома. Хотя мой отец все последние годы специально астрономией не занимался, но все же он был не только математик, но и астроном, и он решил принять предложение. Мама и я были скорее за то, чтобы в то тревожное время не разлучаться, но отец настоял на своем и поехал в Краков. Довольно долго мы о нем ничего не знали, как вдруг он неожиданно появился сам в Риге. Во время войны сообщение было, конечно, не слишком удобным и быстрым. Когда мой отец доехал до Кракова, вакантное место оказалось уже занятым. В обсерватории он встретил нескольких русских астрономов, принявших его очень приветливо и сожалевших, что место уже занято. Но мы были рады такому обороту событий, ведь положение на фронте все обострялось. Мой отец рассказал как его потрясла дискриминация поляков. Уже на вокзале он стоял перед надписями над двумя выходами в город, как Эдип перед Сфинксом: на одном было написано “только для поляков”, а на другом “только для немцев”. Поскольку отец не был ни поляком, ни немцем, он не знал, как же ему вообще попасть в город. Верх взяли практические соображения: у него были тяжелые чемоданы, а на выходе “для немцев” было гораздо свободнее. То же самое имело место и в городском

транспорте: на половине поляков была давка, а на половине немцев - свободные места. Так мой отец и добрался до обсерватории. А там ему сказали, что он, как русский, имел право ехать на немецкой половине вагона: в Польше русские приравнивались к немцам! И продуктовые карточки они получали немецкие, значительно лучшие, чем поляки. В Латвии было не так - мы получали латышские продуктовые карточки (немцы получали лучшие), но и они были лучше, чем немецкие в самой Германии, как я потом сама убедилась. Никакой сегрегации на транспорте в Латвии не было, не было ее и в оккупированных русских городах. Национал-социалисты очень не любили именно поляков.

Если Назарова предсказала ерунду, то неожиданное возвращение отца странным образом предсказала мне другая женщина, шутя бросившая на меня карты. Это была Олимпиада Георгиевна Полякова. У меня в молодости была тяга к людям старше меня, иногда намного старше. Я всегда была много серьезнее, вдумчивее и политичнее, чем молодежь моего возраста. Так я подружилась и с Поляковыми, тоже беженцами из СССР, жившими неподалеку от нас. Николай Николаевич Поляков называл себя профессором истории. Где он был профессором, не знаю. Знал он много и писал также статьи для нашей газеты, причем всегда скромно говорил, что он не так опытен в газетном деле и что, если надо, я могу править его статьи. При этом он и его жена были почти в возрасте моих родителей. О. Г. тоже была образованной - особенно в области литературы - женщиной, как казалось, немного восторженной и не слишком симпатичной, но интересной. У нее была тяжелая болезнь, бруцеллез. Она получила ее, выпив в Крыму сырого молока от незнакомой коровы. Это - странная болезнь. Она иногда совсем отпускает человека, и он живет совершенно нормально, а затем опять схватывает и вызывает частичный, а иногда и полный паралич. Предсказать эти периоды невозможно. О. Г. болела уже 12 лет, и я думала, что это повлияло на ее характер. О немцах вообще она отзывалась восторженно, но особенно - об одном военном враче, который вылечил ее. В СССР тогда не было средств против бруцеллеза, в Германии же была не так давно найдена вакцина, оказывавшая не только профилактическое, но и терапевтическое воздействие. Этот врач предупредил, однако, что пока она была испытана только на недавно заболевших, и он не уверен, подействует ли вакцина в таком застарелом случае. Но выписал эту вакцину, якобы для заболевшего солдата - так поступали многие немецкие врачи, помогавшие русскому населению. Средство подействовало, О. Г. излечилась. То, что она говорила с восторгом об этом враче, было естественно.

Закончу здесь историю моего знакомства с Поляковыми. После войны я их снова встретила, они жили под Мюнхеном, в лагере беженцев,

под другой фамилией, что было совершенно понятно ввиду преследований со стороны советских органов и соответственно - выдач со стороны американцев. Н. Н. не изменил хоть своего, данного при крещении, имени и стал Николаем Ивановичем Осиповым, О. Г. же превратилась в Лидию Тимофеевну Осипову. Теперь она рвала и метала против немцев и заявила, что всех их надо засадить в концлагерь. Я переспросила: "Всех?" Она подумала секунду и ответила твердо: "Всех"... Моим следующим вопросом было бы: "И того врача, что вылечил вас?", но Н. Н., которому эти выпады жены были неприятны, заговорил о чем-то другом, и тем перебил мой вопрос. Макриди, с которым у меня тогда уже был письменный контакт, очень обрадовался, что Поляковы живы, написал им, но не получил ответа. Меня ведь они тоже приняли холодно, но не могли не впустить, когда я уже стояла в дверях. Макриди писал потом, что "провинциально ошибся в Полякове". Поляков-Осипов стал ярым солидаристом, восторженным не по возрасту. Даже его более молодые товарищи по партии подсмеивались над ним. Жена же его выпустила книгу по литературе, говорили, неплохую, я ее не читала.

Но вернемся в Ригу 1944 года. Как-то раз в редакцию вошел высокий человек лет 50-ти, с военной выправкой и недовольным лицом. Он спросил меня, может ли поговорить с Пирожковой. Я ответила, что может. Его глаза широко открылись, у него был вид совершенно сбитого с толку. Запинаясь, он спросил, я ли написала такую-то статью. Не помню, какое название носила та статья, но в ней я писала о пагубности Первой мировой войны и высказывала мнение, что ее следовало во что бы то ни стало избежать. Я подтвердила свое авторство и пригласила его в свою комнату для разговора. Он отстаивал ту войну, но как-то вяло и неуверенно. Потом уже я встречала немало старых эмигрантов, уверенных в том, что та война была нужна и что ее проигрыш (впоследствии не игравший никакой роли - основное поражение в войне потерпела Германия) был худшей катастрофой, чем революция, даже октябрьская. Такое ослепление мне было совершенно непонятно. Я рассказала о посещении странного человека, на что А. Г. в ответ рассмеялся: "А, так он все же добрался до вас! Он написал вам ругательное письмо, но я не стал передавать его, огорчать вас." Я искренне удивилась - ругательные письма, особенно такие, как то, что теперь передал мне А. Г., могли меня только веселить. Этот человек писал, между прочим: "Вы 25 лет обманываете русский народ, и теперь опять его обманываете." Мне стало понятно его смущение при встрече - мне не было 25-ти лет от роду, так что я никак не могла обманывать кого-либо так долго. Уже упомянутые Поляковы, которые, как оказалось, были с ним знакомы, смеясь говорили мне, что он и к ним

пришел все еще опарашенный: “Я думал, что это старая иссохшая большевичка, а это - прелестный ребенок!”

Многие старые эмигранты и тогда думали, что против Первой мировой могли быть только большевики, которые во время войны пропагандировали пораженчество. Как могли так думать даже монархисты, зная, что результатом октябрьского переворота было убийство всей царской семьи и ликвидация монархии, совершенно непонятно. Но за долгую жизнь я вынуждена была научиться тому, что очень многие люди неспособны воспринимать перемены, происходящие вокруг них, и полностью застывают в какой-нибудь стадии своей жизни. Многие старые эмигранты вообще не понимали, что делается в СССР. Так, А. Г. получил однажды письмо из Парижа от русского, до которого дошла наша газета. Он писал о своей тоске по родине, и в письме стояли такие слова: “Вам было тяжело, но вы жили в Москве, вы могли положить руку на стену священного Кремля.” А. Г. ответил статьей под заголовком “Тоска на родине”, где писал: “Вы говорите, я мог положить руку на стену священного Кремля; признаюсь, не пробовал. Если б я решил покончить жизнь самоубийством, то нашел бы более легкий способ.” Попробовал бы кто-нибудь в сталинское время подойти к кремлевской стене! Но в 1992 году я могла убедиться, что даже антикоммунисты молодого поколения в России этого не знают и не понимают. Уже Хрушев частично открыл Кремль для туристов, и за десятилетия истинное положение при Сталине стало бледнеть, а многое, увы, слиняло в памяти совсем.

Мой возраст оказался забавным и в смысле дополнительных даров на продуктовые карточки к Пасхе: в тот год они - западная и восточная - совпадали, были в один день. Власти решили выдать перед праздником тем, кто моложе 25-ти лет, конфеты, а тем, кто старше 20-ти - водку. Так что я получила и то, и другое.

Мне уже не раз приходилось говорить и писать, что христианские и, тем более, церковные понятия были очень разболтанны в России еще до революции. Семья Макриди была антикоммунистическая, “белая”, если можно так выразиться, но религиозной она не была. Я тогда начинала очень медленно приближаться к церкви и к христианству, все еще плавая в тумане самых поверхностных христианских и церковных понятий. Следует отметить, что для нашей редакции в небольшом зале того дома, где она помещалась, каждый четверг вечером показывали фильмы. Это были немецкие, лишенные какой бы то ни было пропаганды картины, часто с такими прекрасными комедийными артистами, как Гейнц Рюман, Ганс Мозер и Тео Линген. Большинство из нас ходило на эти фильмы, они были отдушиной, отдыхом от трудных и страшных проблем, тяготевших над нами ежедневно. На Страстной неделе перед общей Пасхой А. Г. спросил

меня, пойду ли я в четверг смотреть картину. Я ответила, что не пойду, ибо это Великий Четверг, а пойду в церковь. Я уже знала, что там будет чтение двенадцати Евангелий, хотя и не представляла себе, какие отрывки будут звучать. А. Г. задумчиво взглянул на меня. После он признался, что тоже не ходил смотреть фильм.

В Риге был прекрасный православный собор на главной улице, в дореволюционное время она называлась Александровской, во времена независимости Латвии ее название было Бривибас иела, то есть улица Свободы, а при немецкой оккупации ей, конечно, дали имя Адольфа Гитлера. Этот собор на главной улице не мог вместить всех, желавших прийти на пасхальную заутреню, а потому распространялись входные билеты, что меня поразило. Это было как-то не по-русски. Мои родители получили два билета и жалели, что не три, но я сказала, что и при наличии третьего билета не пошла бы в собор. Мне казалось, что в это скорбное время пышные богослужения неуместны, а потому пошла в маленькую скромную церквушку неподалеку от того места, где мы жили, и была очень довольна, несмотря на жалкий хор и общую бедную обстановку.

Между тем, тучи сгущались. Советские войска вступили в пределы Прибалтики. Началась эвакуация неработоспособного населения, тогда как молодым уезжать еще не разрешалось. А. Г. хотел отослать всю свою семью в Германию, но Т. Н. отказалась ехать без него, и он отправил в Германию мать и дочь. Я умоляла родителей тоже ехать в Германию. Они, конечно, не хотели оставлять меня, я же им говорила, что одна я подвижна, в крайнем случае меня возьмут на танк, - были известны случаи, когда немецкие солдаты брали русских беженцев на танки вопреки строгому запрету со стороны высшего командования, - а куда же деться с двумя стариками? Моим родителям тогда было по 64 года и у мамы были больные ноги. Наконец, мне удалось их уговорить. Я стала выправлять для них бумаги на отъезд, а когда они были уже готовы, "ловушка" захлопнулась. Советским войскам удался рывок, они взяли Митаву в 40 километрах от Риги и их танки шли на город. Наземный путь был отрезан. Рига попала в окружение. Как замороженные мы стояли и смотрели на огромное пламя в не таком уж отдалении: горела Митава.

Странно, что в памяти у меня не сохранилось то роковое число, когда нам сказали, что советские танки находятся в 23-х километрах от Риги и движутся дальше. Это было либо в самом конце июля, либо в самом начале августа 1944-го года. Немецкие войска пробовали остановить наступление. Следующая ночь должна была решить, будут ли танки остановлены или же войдут в Ригу.

Ту роковую ночь мы провели в редакции. А. Г. сказал мне, что получил от немцев пистолет, и что когда гусеницы советских танков

зашуршат под окнами редакции, он застрелит сначала свою жену, потом меня, а затем и себя. Я согласилась. Затем мы работали, как обычно, над следующим номером газеты. Внешне все было спокойно. Нервозность А. Г. вырвалась наружу только один раз, когда он неожиданно накинулся на меня за какую-то пропущенную в поданной статье опечатку: "Так работать нельзя!" В нормальной обстановке я бы огрызнулась, но тут смолчала: я понимала, что на нем лежит еще большая тягость - я лишь пассивно ждала смерти, а ему предстояло бы сначала еще убить двух человек, вернее, трех - его жена тогда уже ожидала ребенка, о чем никто из нас не подозревал, ведь было самое начало беременности, но муж-то об этом, конечно, знал. Впоследствии Т. Н. родила близнецов, так что в ту ночь в редакции погибли бы минимум пять человек.

В редакцию пришел и мой отец. Было, вероятно, нехорошо, что мы оставили маму совсем одну. Хотя от нее и скрывали всю остроту положения, она, конечно, догадывалась. Отец вряд ли пережил бы меня, а у мамы, если бы она справилась душевно, еще были шансы сохраниться. Она всегда была вне политики, ее могли пощадить и даже разрешить вернуться к старшим детям. Но, кто знает?

Господь решил иначе. Советские танки были отбиты. На другой день из трех ежедневных рижских газет - латышской "Тевии"(Отечество), "Немецкой газеты на Востоке" и нашей - вышла только "За Родину". Ее расхватывали все, кто понимал по-русски. Редакции двух других разбежались, попрятались у родных и знакомых на взморье, чтобы переждать первый натиск, если советские войска войдут в Ригу, хотя как раз первые отряды никого не арестовывали - это было дело шедшего следом СМЕРШ'а. Но нам некуда было бежать, негде прятаться. Интересно, что Ригу не бомбили, но по всему городу на всякий случай были распространены указания, куда бежать при бомбардировке. Недалеко от нашего жилья на стене виднелась большая стрела и надпись по-немецки: "Дорога спасения - большое кладбище". Видимо, там было какое-то бомбоубежище. Вот и для нашей редакции единственным путем спасения в ту ночь было бы "большое кладбище".

Всех, кто дает себе труд задуматься о прошедшей войне, я прошу попробовать заглянуть соответственно на другую сторону, через барьер. Война шла не между более или менее нормальными государствами, а меж двумя страшными идеологиями и страшными диктаторами. Те, кто фактически воевал, имея все время смерть перед глазами, видя смерть товарищей рядом с собой, не могли отвлеченно обсуждать обстановку. Они были слишком сильно вовлечены в жуткую мясорубку войны, они напрягали все силы для победы и были - каждый на своем месте - уверены, что сражаются либо за правое дело, либо за свою родину. И в каком-то

смысле они действительно сражались за свою родину, ибо идеология и режим противника несли их родине несчастья, хотя и собственные режимы для каждой из воевавших сторон был несчастьем. Теперь, более чем через полстолетия, стоит, оглянувшись, попробовать увидеть величайшую трагедию именно той войны: каждая из сторон несла гибель людям невинным, достойным или просто непричастным не только в ходе чисто военных действий, но именно в случае победы. И одновременно те же самые войска могли быть освободителями для других, тоже совершенно невинных, людей. Советские войска принесли бы жизнь тем евреям, что еще оставались в живых, и небольшому числу прокоммунистически настроенных латышей, но они несли смерть или концлагерь не только нам, избравшим свой путь с открытыми глазами и понимавшим, чем он грозит, но и огромному числу латышских семей, попавшим во всю эту кашу, как кур в опил. Они в 1940-м году не звали советских оккупантов, а в 1941-м не просили Гитлера начинать войну. Они просто хотели тихо жить в своей маленькой стране, и стали мячиком в жуткой игре идеологий и борьбы за господство.

Был ли у меня страх смерти в ту ночь? Вряд ли. Умом я понимала, что смерть очень близка, но сердцу все это казалось каким-то сном. Смерти я как-то никогда не боялась и жила все время большими общими проблемами и мучительным поиском смысла жизни, а конкретные события, даже такие страшные, точно соскальзывали с меня.

Непосредственная опасность отошла, но Рига оставалась отрезанной. По суше покинуть ее было нельзя. Бумаги на отъезд моих родителей в Германию были выправлены, но казались уже ненужными за невозможностью выезда. Вдруг к нам прибежали взволнованные соседи и сказали, что у пристани стоит пароход, готовый к отплытию в Германию, а на пристани вывешены списки пассажиров и там стоят фамилии моих родителей. Немецкое командование начало по морю подвозить подкрепления, а на обратном пути они брали на борт беженцев. Я уговорила родителей уехать. Наши несложные пожитки были уже собраны, - ведь родители собирались ехать поездом, - и я отправила их в неизвестность: на море были мины, да и в пароходы стреляли - кто знал, на каком судне размещены войска, а на каком беженцы?

В редакции мне передали, что она переводится в Эстонию, где положение было немного стабильнее. А. Г. сказал, что себя он считает обязанным ехать, но не думает, что там газета будет еще долго выходить, и для меня необходимости туда ехать не видит. "Постарайтесь уехать в Германию вслед за родителями", - посоветовал он. Я тоже считала это наиболее разумным, тем более, что беспокоилась за них. Узнав, что беженцев записывают на бирже труда, я пошла туда. За столом, где

согласно надписи шел набор рабочей силы в Германию, сидел человек с партийным значком НСДАП, а перед ним выстроилась очередь из стариков, беременных женщин (иных уже на сносях), женщин с маленькими детьми, лишь иногда прерывавшаяся более молодыми и работоспособными людьми. Сидевший за столом прекрасно понимал, что о рабочей силе пришедших не может быть и речи, но записывал всех подряд. В ином качестве он не имел права их записать, и сознательно нарушал приказ высшего начальства, наводняя свою Германию иждивенцами, понимая, что им деваться некуда.

Никогда не надо раскладывать людей по полочкам их партийной или даже идеологической принадлежности - в самых дурных партиях с самыми дурными идеологиями могут встретиться хорошие люди. А каким был индивидуальный путь каждого такого человека в эту партию, смотрящие со стороны не могут знать.

Уже через три дня после отъезда моих родителей я погрузилась на пароход, шедший в Готтенхафен, по-польски - Гдыню, порт, расположенный недалеко от Данцига. Нам выдали плавательные жилетки и приказали не снимать их: пароход в любую минуту может наехать на мину или быть обстрелянным, а мы, если останемся при этом в живых, окажемся в воде. Но спасательная жилетка мешала мне. Я нашла высоко на нарах свободное место и легла спать, но в жилетке было неудобно. Тогда я сняла ее, бросила в угол и спокойно проспала большую часть переезда. В Готтенхафене (Гдыне) наш жалкий багаж выгрузили на набережную, и мы искали пожитки. Свои я нашла быстро, и нас повезли в лагерь для беженцев. Он был переполнен, был неизбежно шумным и грязным. Мне не понравилось. Но там были мои родители, безумно обрадовавшиеся мне. Они рассказали, что на их пароходе были почти одни старики и женщины с детьми, или беременные. На "моем" пароходе было уже немного больше молодых. К их пароходу прислали мальчиков, Hitlerjugend, и они перетаскали им вещи. А потом пришли женщины из Национал-социалистического Союза и принесли кофе (конечно, суррогатное) и бутерброды. Все это было хорошо, но из лагеря для беженцев надо было уезжать. Я сказала, что мы уедем завтра. Отец вздохнул: если б хоть через неделю! Укладываясь спать, я пробормотала: "Завтра мы уедем". На другой день мы, действительно, уехали из этого лагеря. Так началась наша жизнь в Германии.

Из даты написания этой статьи явствует, что она была написана еще до выборов президента России, но своей актуальности она не потеряла.
Редакция.

Марина Салье

Безнравственность - кредо коммунизма (“христианин” Зюганов)

*Берегитесь лжепророков, которые приходят
 к вам в овечьей одежде, а внутри они суть волки хищные.*
 Евангелие от Матфея, гл.7, ст.15

Сегодня, накануне второго тура президентских выборов, я вновь возвращаюсь к теме нравственности. Я делаю это потому, что один из главных кандидатов в Президенты России - коммунист Г. Зюганов - в своей предвыборной кампании неоднократно обращался к теме христианства, христианской религии, утверждая, что христианское мировоззрение весьма близко, чуть ли не идентично коммунистическому.

Это кошунственное заявление остается без ответа со стороны команды моего кандидата - Б. Ельцина. Ответа не дано потому, что все, “что касается христианства, соскальзывает с поверхности сознания старшего поколения, не задерживаясь” (В. Пирожкова, “Голос Зарубежья”, май 1996г.).

Но я не могу не ответить, потому что наше общество действительно утратило за 75 лет коммунистического режима большую (если не всю) часть общечеловеческих нравственных ценностей, которые и являются ценностями христианского мировоззрения. Я не говорю здесь о религии, о вере в Бога. Я говорю только о тех нравственных ценностях, которые восприняты людьми именно из Писания, и по которым, худо ли, бедно ли, живет человек, сегодня уже - в большинстве стран мира.

Почему это произошло, как это могло случиться?

По моему глубокому убеждению причина в том, что суть коммунистического, фашистского, любого другого тоталитарного режима заключается в его безнравственности. Не в плановой экономике, не в распределительном характере общественного продукта, а в безнравственности. В безнравственности, которая возведена в принцип, догму, которая стала государственной политикой, жизненным кредо правителей. Это - главное, в этом - суть.

И выражается это, прежде всего, в том, что главные нравственные заповеди христианского мировоззрения вывернуты коммунистической идеологией наизнанку, обращены в свою противоположность.

Безнравственно убивать, ибо сказано: **“Не убий”**. “Они”, Нечто, лишь имеющее облик человека, сделали убийство своей профессией. Оборотни создали концентрационные лагеря, ГУЛАГ, Освенцим, изобрели ЧК и КГБ, Гестапо и Штази, застенки с желобами для человеческой крови (опыт Средневековья), отряды красных комеров и хунвейбинов. Это не были единичные акты убийства невинных. Это были десятки миллионов невинно убиенных. Понятно, что эти убийства “они” совершали с помощью своих народов, вовлекая в это сотни тысяч людей, делая их своими поделщиками и умерщвляя, тем самым, нравственно.

Трудно сказать об этом точнее, чем это сделали братья Вайнеры: “Безвинных давным-давно убили несведущие, что творят, и стали виноватыми. А их убили знавшие, что творят, и стали виноватыми. А их убили знавшие, что творят, и потому еще более виноватые. И этих убили новые, те, кто перестал считать убийство виной. Последующие твердо знали, что надо просто убивать. Послушники заповедей - **“убий”**.”

Чем отличаются убийства священника (о. А. Меня), мальчика-сказочника (Д. Холодова), популярного журналиста (В. Листьева) от убийства мальчика из Уржума? Только тем, что тот мальчик был мальчиш-кибальчиш, принадлежал к тимуровской команде. Но результат один - хоронили всех с почестями, все убийства не раскрыты и не будут раскрыты, потому что это убийства ритуальные - политические, когда заповедь Божьего Мира - **“Не убий”** - обращается в приказ **антимира** - **“Убий”**, превращается в парадигму: **“Кто не с нами, тот против нас!”**

Эта страшная античеловеческая парадигма является одной из жутких иллюстраций того, как выворачиваются наизнанку ценности христианского мировоззрения, ибо сказано: **“Кто не против вас, тот за вас”** (Евангелие от Луки, гл.9. ст.50).

С мертвого Кирова начались выгодные им и уж совсем массовые репрессии, массовые убийства, а с убийства Д. Холодова нас ожидал новый Афган - война в Чечне, т.е. снова массовые убийства. И мы к ним привыкли - на миру и смерть красна. Это - наш коллективизм, наше коммунное сознание, за которое так ратует Г. Зюганов, выдавая это, к тому же за русскую национальную идею.

Безнравственно красть, ибо сказано: **“Не кради”**. Но “они” не сказали, “они” приказали: **“Грабь награбленное!”** И “они” занимаются этим непрерывно и неустанно с ноября 1917 г., когда их вождь объявил “экспроприацию экспроприаторов”. Но только грабят “они” вовсе не награбленное, а заработанное, потому что **“награбленное”** - это опять из их

антимира, из словаря оборотней, где заработать - значит награть, а ограбить - значит заработать. Неспособные к созиданию, к труду творческому, нравственному, они грабили и грабят до сих пор.

Вспомните 1917-1918 г.г., когда богатая страна Россия вмиг превратилась в нищую страну, потому что "они" ограбили, разорили не только "буржуев", но всех мелких собственников (пекарей, сапожников, портных, плотников, столяров, печников и т.д.). а денежки положили себе в карман. Вспомните раскулачивание, разорение сельского хозяйства, за что все мы платим до сих пор, потому что львиная доля наших налогов уходила и уходит в эту ненасытную прорву - Аграрно-промышленный комплекс, - исчезая там бесследно. Подумайте, в конце концов, и о нынешней налоговой системе, которая грабит производителя подчистую, но, кроме того, делает его преступником, так как любой, даже самый честный человек, будет скрываться от этих безумных налогов. А значит, опять поделщики, опять нравственное убийство. И уж совсем большое - "обманутые вкладчики". Но только не обманутые. А ограбленные. Ограбленные, прежде всего, все теми же коммунистами, так как именно они сегодня составляют большинство крупных "предпринимателей".

Безнравственно предавать, ибо сказано: "Не произноси ложно-го свидетельства на ближнего твоего". Ни презумпция невинности ("словов"-то таких "они" не знали), ни отказ от ложного свидетельства, полученного под пыткой, не принимались в расчет. "Они" сделали ложное свидетельство тем ядом, которым отравили тысячи, сотни тысяч людей. Говорят, что нельзя открыть архивы КГБ, потому что мать может найти лжесвидетельство сына против отца его. Мужа против сына, брата против брата. Но нельзя открыть архивы КГБ и потому, что их агенты нужны им и сегодня - "они" продолжают доносить, "они" выполняют заказные убийства. Нельзя открыть архивы КГБ и потому, что среди их агентов полно звучных имен ныне здравствующих людей, которые с амвонов церкви и трибун их **антимира** выполняют их заказы, проводят их безнравственную политику.

Говорят, что нельзя открыть архивы КГБ, потому что это безнравственно - мы откроем охоту на ведьм. Кто - ведьмы? Поймите. Что не открыв эти архивы, мы будем продолжать охотиться на себя, перенесем эту охоту и на наших детей. Не открыв эти архивы, мы никогда не покаемся, а значит не раскаемся. И дольше века будет длиться этот "день" ужаса нашей безнравственности.

Безнравственно творить идолов и поклоняться им ибо сказано: "Не сотвори себе кумира". Был "великий вождь - учитель всех времен и народов", был другой идол - Л. Брежнев, - которому следующую звезду героя пришлось бы лепить на з...цу, были и есть кумирни этим идолам по

всему антимиру. "Они" называли их "красными уголками", потому что это был их цвет - цвет крови. "Они" воздвигли гигантские, нечеловеческие памятники своим идолам, памятники-истуканы. "Они" понастроили такие же памятники своим жертвам - пусть меня растерзают, но я считаю, что нет ничего более бесчеловечного, подавляющего, уничтожающего человека, превращающего его в ничто, чем Волго-градский мемориал (Мамаев курган), построенный, к тому же, прямо на костях погибших там воинов, так и не преданных погребению.

И уж если Г. Зюганов (не я) говорит о религии, то стоит напомнить и еще одну заповедь: "да не будет у тебя других богов пред лицом Моим". Но ведь именно в богов пытались "они" превратить повсюду своих "вождей" (Ленина, Сталина, Мао Дзе Дуна, Ким Ир Сена, Фиделя Кастро и т.д.), именно этим богам обязаны были мы поклоняться в их кумирнях. И поклонялись - чего уж там скрывать и лицемерить!

Вся ненависть народа к оборотням выплеснулась в 1956 г. и 1989-1991 г.г., когда первое, что было разрушено - кумирни и идолы антимира. И в этом я вижу проявление и свободы, и веры, и даже нрав-ственности нашего народа, а не акты вандализма. Но разрушить-то просто, а вот вернуться к ценностям людей - гораздо труднее.

Безнравственно работать в выходной день, ибо сказано: "не делай в оный (день седьмой - М. С.) никакого дела". "Он" - главный оборотень - ввел нам красные (опять красные!) субботы, а "они", его наследники, пытавшиеся сделать из него нового "бога", не придумали ничего лучше, как приурочить эту "красную субботу" к его же дню рождения, чем окончательно утвердили обратный знак "заповедей". Честной-то народ в день Пасхи Христовой отдыхает.

Безнравственно обращение к Богу всуе, корысти ради, ибо сказано: "не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно". Не веруя, не исповедуя Его заповедей и заветов, перевернув их с ног на голову, "они" обратились к Богу. И вот лидер коммунистов Г. Зюганов уже в церкви. Не знаю, осенял ли он себя крестным знаменем, но знаю, что он кощунственно, всуе, использует христианскую религию (в данном случае - именно религию) для достижения своих целей - возвращения коммунистов к власти.

Он "забыл" о декрете Ленина от 23 февраля 1922 г. "Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих", при подготовке которого "светоч мира" написал: *"Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам поэтому расстрелять, тем лучше"*. Он "забыл" и о восторге Бухарина по этому поводу: *"Мы ободрали церковь, как липку, и на ее "святые ценности" ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим"*

(выделено мной - М.С.); *при ГПУ мы воздвигли свою "церковь" при помощи православных попов*".

Как все просто! Приказали разрушить храмы - разрушили, осквернили; приказали уничтожать непокорных священнослужителей - уничтожили полмиллиона; приказали стать атеистами - стали. Приказали идти в церковь - идут; приказали заявить: "христианство и коммунизм - близнецы-братья" - и заявили. И все дела. И все - в одночасье, без раздумий.

Вы возразите: "Это делает не только Г. Зюганов, но и другие бывшие коммунисты - Б. Ельцин, Ю. Лужков, В. Черномырдин и т.д." Да, делают, и часто, слишком часто, также нарушая ценности христианского мировоззрения, и, опять-таки, в данном случае, и религии. Но они отказались от главного - от коммунистической идеи, которая по сути своей несовместима с нравственными императивами христианства.

Нет, я не отказываю никому в покаянии, не указываю никому, где и когда он должен молиться Богу. Я говорю о другом. О том, что первое - покаяние - не свершилось, а второе - молитва - свершается на капищах, ими же устроенных, свершается без покаяния, свершается в корыстных целях, прямо противоположных нравственным заветам Писания. Я говорю о том, что имя Бога произносится ими всуе. Согласитесь, что и то, и другое должно совершаться по законам Божеским и человеческим, а не путем обмана и лжи. И до тех пор, пока это не произойдет, не будет у нас храма, дорога к которому ведет в Мир из этого антимира.

Безнравственно завидовать, ибо сказано: "Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни поля его,... ни осла его, ничего, что у ближнего твоего".

Но коммунистическая идея в принципе не допускает никакого имущественного неравенства, так как гласит, что в земном рае "от каждого - по способностям, каждому - по потребностям". "Они" воплотили эту идею в самой низменной ее форме, - равенства всех в нищете, - сотворив, тем самым, ад и зло в душе человека.

В цивилизованном Мире в сознании людей, исповедующих нравственные ценности христианского мировоззрения, укоренен принцип: экономически эффективными являются такие действия человека (для него, общества, системы в целом), которые повышают его доход и условия жизни, не понижая при этом, по меньшей мере, доход остальных. Действует парадигма "кто не против вас, тот за вас".

В коммунистическом антимире в сознании людей укоренен обратный принцип: "Если сосед стал жить лучше, мне реально от одного этого стало хуже". Дали дотации одной социальной группе - немедленно подай другой. И - поровну. Купил сосед ковер или телевизор -

мне стало хуже жить: у меня их нет, а он, “хапуга, жулик, вор, казнокрад, такой-сякой, немазанный”, имеет. Действует парадигма “кто не с нами, тот против нас”.

Сегодня мы пожинаем плоды. Богатым, обеспеченным (даже честным) - вилы в бок, “петуха” в огород, дом, на пашню, в лучшем случае - проклятия со всех сторон. А сам буду ждать - пусть подадут, обязаны. Кто? Геннадий Андреевич Зюганов, коммунист. Уже “подавали” всем нам. Не надоело ли побираться и завидовать?

Безнравственно не почитать своих родителей, ибо сказано: “Почитай отца твоего и мать твою... чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе”. Заметьте, что это единственный положительный, а не отрицательный императив среди десяти заповедей. Почему? Да потому, что здесь речь идет о продолжении рода человеческого. И все остальные отрицательные императивы: не убий, не укради, не произноси ложного свидетельства, не прелюбодействуй и т.д., тоже даны людям для продления дней их жизни, их рода на Земле. Но и этот положительный императив оборотни вывернули наизнанку, даже этот.

“Сын не отвечает за отца” - заявили они, сын - доноси на отца, сын - убей отца. И доносили, и убивали. А “они” за это награждали, “они” за это делали из мальчиков и девочек своих “героев”, антигероев - павликов морозовых. Вспомните тысячи детей, которых “они” принуждали отказаться от своих родителей, сидящих в концлагерях, может быть уже и мертвых к тому моменту. И новый мертвый живой, новый оборотень, рожденный не отцом и матерью, а этой зверской системой, появился на этой Земле. Так появились на свет девочка Аня и мальчик Женя - без вины виноватые, не имеющие никакой нравственной опоры в своей жизни.

“Милый, убей мою маму!” - с таким аншлагом вышла “Комсомольская Правда” (“толстушка”) за 11 - 18 августа 1995 г. Сам аншлаг, учитывая случившееся, безнравственен - из такого рекламу не делают, выгоду не извлекают.

Девочка Аня попросила любимого парня Женю убить ее мать. Она боялась рассказать ей, что исключена из школы. И мальчик Женя буквально изрезал мать Ани. Страх перед тем, что мать узнает об исключении Ани из школы, оказался сильнее страха перед убийством матери. И девочка перешагнула (и в прямом смысле слова) через труп матери. Безнравственность порождает вседозволенность!

Но что меня больше всего потрясает в подобного рода убийствах, так это наша реакция на них, если хотите, масштаб общественного резонанса. Вся пресса была переполнена сообщениями об убийствах Д. Холодова и В.

Листьева. Тысячи людей пришли проститься с ними. Но не было практически никакого общественного резонанса на матереубийство.

Примерно в это же время в США женщина убила своих детей. Мир содрогнулся. Сообщения об этом передавала вся пресса. Скажете: “это - сенсация”. Да, сенсация, но со знаком минус, потому что в Мире это событие - детоубийство - вопиющее, пройти мимо которого невозможно. Мы, в нашем антимире - прошли и продолжаем проходить.

Безнравственна любая идеология исключительности - расовая, национальная, религиозная, классовая, ибо сказано: “нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания. Варвара, Скифа, раба свободного...” (Послание к Колоссянам, гл.3, ст.11). Но принцип равенства людей “им” так же чужд и омерзителен, как и все остальные принципы христианского мировоззрения. “Они” (коммунисты) заявили, что исключительным классом является пролетариат, исключительным из исключительных - его авангард - “они”, коммунисты. И построили государство по типу, предложенному еще древним греком Платоном: элита (“они”) - стража (КГБ) - рабы (все остальные). Фашисты заявили: арийская раса - господствующая, и построили точно такое же государство. Жириновский, Баркашев, Брынцалов и др. заявляют: русская нация - господствующая, и хотят построить государство по тому же принципу. Поскольку принцип один, им всем по дороге. Человек же их не интересует вовсе.

Посмотрите на их электорат - бедные, плохо одетые старики, потерявшие все и ничего не приобретшие (даже материально, тем более - духовно) в результате своей исключительности, и молодой здоровяк, который уже и не мог ничего приобрести, нравственно погибший во лжи, убийствах и грабежах этой системы и, как нравственно мертвый, готовый на все.

К величайшему нашему счастью их не так много - все-таки семья, как ни старались “они” ее уничтожить, спасла своих детей. Положительный императив заповеди Ветхого Завета пусть плохо, но работает. Помнят люди и об этом: “как хотите, чтобы с Вами поступили люди, так поступайте и вы с ними” (Евангелие от Матфея, гл.7, ст.12). И это, похоже, мы сохранили - хоть и не все, и не в полной мере, и скорее интуитивно, чем осознанно.

Безнравственно лгать, ибо сказано: “блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся”. “Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды” - слова, которые произносит свидетель в суде США, положив руку на Библию. Без преувеличения можно перефразировать так: “Клянусь говорить ложь, только ложь и ничего, кроме лжи” - говорили “они”, положили руку на “Краткий курс

истории ВКП(б)". Я не могу приводить примеры этой лжи, потому что их - мириады. Нельзя же пересчитать песчинки! "Они" - эти оборотни, вся их система - насквозь, до самого своего последнего крошечного звена, состоит из лжи.

Но самое страшное другое - ложь стала нормой и нашей жизни. Наша "заповедь": **"хочешь жить - умей вертеться"**. Мы лгали везде и всюду, даже дома, боясь, что наши маленькие дети случайно, по недомыслию, могут передать сказанную нами правду кому-то, кто "капнет". Мы учили их: "Это так, но ты этого не говори, ты должен сказать так-то".

Вспомните Вашу маленькую дочь, которой Вы пытались объяснить: "Да нет же, эта задача решается гораздо проще", а она, обливаясь слезами, отвечала Вам: "А нас учили не так, нас учили наоборот, я должна делать, как все!" Это ведь тоже ложь, когда даже простую арифметическую задачку ребенок должен решать по-идиотски, а не разумно, следуя логике, а не установке: как все.

Девочке Ане и мальчику Жене было просто и понятно соврать маме (врут все) про аттестат, а потом оказалось, что проще убить мать, чем сказать ей правду.

Как же важно говорить правду! И как это трудно. Великий Кант сказал: **"Честность - лучшая политика"**. И сегодня она как никогда необходима людям России, самой России. Без этого нам не жить.

Вы скажете мне: воруют, убивают, лгут, завидуют, прелюбодействуют, предают везде и всюду. Да, вы правы. Но далеко не всюду заповеди Библии, - книги людей, - эти отрицательные императивы, эти табу обращены, обернуты в положительные, а единственный императив, напрямую связанный с продолжением рода человеческого, в отрицательный.

Да, во всем М^ире неблагополучно с нравственностью. Сегодня это не только наша проблема. Но М^ир знает об этом, М^ир говорит и думает об этом и ищет выхода из этого. Не вывернуты там наизнанку заповеди Писания. Мы же вновь и вновь все делаем наоборот.

Концепция новой российской государственности должна быть наполнена нравственным содержанием. Формулирование этической, нравственной позиции, ежедневное утверждение ценностей цивилизованного общественного устройства - обязанность правитель-ства, государства, потому что цель правителя - сбережение и благо народа, а не собственное благо.

Но это и обязанность каждого гражданина России по отношению к самому себе и своим детям.

В знаменитом фильме П. Карпентера "Нечто" вопрос о том, кто из героев - человек, а кто - Нечто, принявшее его облик, решался с помощью крови. Кровь оборотней крочилась, корчилась, извивалась в соприкосновении с кровью человека. Мы должны проверить это, соприкасая свои души с "душами" оборотней. Корчится твоя душа от этого - ты человек, не корчится - не в порядке ты, плохо у тебя обстоят дела. У тебя "вместо сердца - пламенный мотор" - чудовищные слова, с которыми мы продолжаем жить. Верните себе сердце, мотор подарите Г. Зюганову. Каждый это должен сделать сам.

Не ждите ничего более, не стойте в очереди за своей физической или нравственной смертью. Мы должны спасти себя сами, вспомнить, что мы люди, найти в себе человека. Положить предел этому антимиру, вернуться в Мир.

29 июня 1996 г. Москва.

Рената Гальцева

Под сенью Вавилонской башни.

Образовался удивительный парадокс. Вроде того, как если бы, стоя перед горою Фудзияма, примерно на том месте, где должен был писать свои композиции Хокусай, мы стали бы рисовать пейзаж, на котором было бы изображено все - кривые деревца, жухлая трава, бамбук... - все, кроме самой горы. То же отсутствие, казалось бы, неустранимого из вида феномена, но уже в виде некоей Вавилонской башни, наблюдается в напих изображении ландшафта человеческого творчества, сложившегося к концу XX века. Конечно же, я имею в виду не атеистического прогрессиста, для которого все движется к лучшему в этом самом динамичном из миров, а тех, кто задается вопросом, какое направление приняла сегодня творческая воля человека, сотрудничает ли она с волей Творца, соучаствует ли в завещанном человеку деле - быть соработником Демиурга в мире. Или, в более скромном варианте: то, что происходит сейчас в искусстве и культуре, имея в виду их лидирующие формы, может ли называться гуманистическим, или напротив, деструктивным в отношении образа человека (высшего Божественного творения)?

Между тем, современная христианская рефлексия с упорным астигматизмом не замечает, какую гору и какой странной продукции произвел за последнее столетие и продолжает ускоренно производить нынешний созидатель культуры. Рассуждения на темы творчества в среде теоретизирующих христиан обычно ведутся в ракурсе долженствования, с абстрактно-принципиальной, общепастырской точки зрения. Утверждается и развивается мысль о непреложном соответствии между Божественным творением мира и откликом человека, призванного продолжать Божье творчество, принципы которого заданы в прообразе мира и человеческого существа. Но план сущего (реальная картина) остается за бортом, вне горизонтов мысли; к сличению неоспоримых своих выкладок с наличной - и, увы, неблагообразной! - действительностью размышление, как правило, не опускается, и целая гора рукотворной вулканической продукции остается неучтенной и неосмысленной. Когда же речь заходит о конкретных воплощениях сегодняшнего творческого духа, христианский взгляд на мир, разрабатываемый в общеметодологическом плане, остается невостребованным.

Некоторое время тому назад на коллоквиуме "Творение мира и призвание человека" Мадонны Леонардо и "Хаос" Кандинского рассматривались как равновеликие произведения равновеликих - равно

великих! - художников. Но ведь на уровне простой чувственности, к которой непосредственно и адресовано искусство, ясно, что перед нами что-то “несовместное”, и либо одно нужно считать “великим”, либо - другое. Если мне захотят возразить, сославшись на сам выбранный Кандинским предмет, на исключительную “специфичность” цели (изобразить хаос), что предельно далеко от “предмета” Леонардо, то на этот наивно-прямолинейный аргумент я, также незатейливо, возражу, что, во-первых, нет таких художественных предметов и задач, которые должны были бы оставлять в душе хаос и смятение (а именно таково впечатление от этой картины), и поэтому никакая предусмотрительная подпись под полотном не может служить его оправданием. И, во-вторых, данная работа - не исключение в собрании сочинений художника; по воздействию на человеческие чувства они неотличимы от “Хаоса” и могут быть названы этим же именем.

Приятие “Хаоса”, а также “Черного квадрата” и “Супрематизма” Малевича, “Композиции #5” Ж. Горина и т.п. в качестве факта искусства происходит только благодаря посредничеству и внушению рассудка. Наша непосредственная чувственность, наша сенсорная способность сопротивляется созерцанию этого рода “арте-актов”. Вспоминаются слова иконописца и искусствоведа Леонида Александровича Успенского, переданные мне недавно его вдовой Лидией Александровной, живущей сейчас в Русском доме Saint Genevieve de Bois: “Чем должен смотреть всю эту “живопись” - “Черный квадрат” и прочее - зритель? Обычно он смотрит всем своим существом, а на современные картины он должен смотреть, исключая свои способности, то есть он тоже должен разложиться, как само искусство”. И это одно - чувственное неприятие - должно насторожить чуткую рефлексию, которая не может не увидеть здесь не очередную новизну в искусстве, но радикально иное тому, что до сих пор называлось этим словом, и должно быть названо каким-то другим, например, симптомом. Ведь созерцание подобных симптомов человеческого духа не приносит ни наслаждения, ни катарсиса, первых непосредственных плодов искусства.

Для христианского же сознания тот факт, что человеческое восприятие отторгает авангардные - не говоря уже о поставангардных - образы, должно быть решающим вердиктом в отношении курса, который приняла в этом случае творческая воля, ибо она вступила в прямое противоречие и даже противоборство с одним из высших божественных созданий - природой человека.

Этот факт очевиден и не требует никаких доказательств. Но он не задерживает на себе внимания даже со стороны нашего рассуждающего клира, разделенного, главным образом, на два противоположных стана:

фундаменталистски-изоляционистский, отрицающий всю культуру за церковной оградой, и либерально-прогрессистский, не желающий отставать от хода цивилизации. Во втором случае дело доходит до того, что выступающий в роли христианского просветителя общества православный священник возмущается робким попыткам отделить овец от козлищ на пастбищах культуры, различить богохульное, бесчеловечное, бессмысленно-претенциозное искусство, производство издевательских “складных чудовищ” вместо человеческого образа от шедевров мирового искусства.

Однако, взглядываясь пристальнее в новейшие творческие феномены, мы должны будем констатировать тотальный кризис творчества, захватывающий и природу человека, и образ мира, и взгляд на саму задачу художника.

Как бы ни изобиловала прошлая история искусства сменой вех и стилей, дело никогда не доходило до разрыва с самими основами художественного творчества, с идеей о его гармонизирующем, очищающем действии. Перелом происходит в европейской культуре вместе с авангардом и означает конец неколебимому до сих пор представлению о мире как о прекрасном в своем прообразе творении. И хотя весть о сотворенном бытии как “зело добром” была нами воспринята от иудейско-христианской космологии, в которой она и получила законченную формулировку, это представление, то более подспудно, то более явно, жило с начала культурной истории человечества. Все предшествующее искусство - и не только Древней Греции, но и Египта - утверждало космическую законосообразность и согласованность. И вправду, “треки мыслили гениальными догадками”.

И вот, в последнем, нашем зоне творческая воля человека становится в позицию абсолютного *вызова* творению и Творцу, разрывает с вечными законами созидания, неотмыслимого от идеи Логоса. Этот разрыв, перед которым все предшествующие размежевания оказываются сугубо внутренним делом искусства, дает себя знать в трех отношениях.

Во-первых, в уже упомянутом отношении к своему предмету, - миру, - который перестает быть благим творением и становится сырьевым резервуаром для экспериментальных упражнений. Во-вторых, радикально меняется отношение к предшественникам - великим мастерам; “новые гении” открывают эпоху *контркультуры*. И, наконец, в-третьих, решительно меняются отношения с аудиторией: такой гений стремится не к приобщению ее открывшимся ему высшим смыслам, а к тому, чтобы воздействием на подсознание методом шока (выразителен в этом отношении театр А. Арто), подчинить ее своему авторитарному импульсу и гипнозу. В поддержку этим соображениям мне бы хотелось привести

слова композитора и редкого по своей трезвости искусствоведа Николая Метнера, высказанные по поводу “крайних модернистов” в 1935 году: “в качестве “творческих достижений” модернистами предлагаются по сути “теоретические искания”, в которых художник чувствует себя “зачинателем” новых принципов, “постановщиком небывалых проблем”, участвующим в “конкурсе на всемирный переворот”.

Амбиции современного демиурга, противоречащего по отношению к мирозданию и художественному творчеству, ставят авангардного художника в неплодотворную зависимость от предмета своего отрицания; и часто оказывается, что новаторские сочинения существуют только за счет “преодоленного и устаревшего”. Иллюстрацией может послужить знаменитый фешенебельный Кельнский фестиваль музыки XX века (с гигантской спонсорской поддержкой); в 1994 году он открывался балетной сюитой популярного на Западе модерниста Б. А. Циммермана к пьесе А. Жарри “Король Убю”. Этот шумевший опус оказался ничем иным, как коллажем из “трех источников и трех составных частей”: великих музыкантов Берлиоза, Вагнера и Р. Штрауса, народных мелодий и, наконец, собственных атональных, дисгармоничных вставок, которые призваны - в чем гвоздь программы! - своим издевательским скрежетом (железом по стеклу!), дробью и каким-то кукареканьем, как мне вспоминается, скомпрометировать и дезавуировать всех этих классиков. Последние в процессе поношения выполняют двойную роль - донора и попанной жертвы. Без Берлиоза, без всей тройки, без народных мотивов, без чужого, иначе говоря, нечего было бы слушать в балете Циммермана, и никто бы его не выдержал. Как было сказано когда-то инакомыслящим одиночкой, происходит беспринципная эксплуатация старины для сдобривания своей отпугивающей продукции. Сама протяженность сочинения - функция от протяженности заимствованных фрагментов. Циммерман дает пространный отрывок из “Валькирий”, чтобы слушатель мог перевести дух и затем выдержать точно такое же по длительности неистовство циммермановского барабана, как будто жаждавшего разбомбить Вагнера. И здесь уместно вспомнить музыканта Н. Метнера: “Продолжительное упражнение в придумывании и надрывании, практикуемое целым поколением, делает его музыку лишней, как бы несуществующей и весьма похожей на большую дыру, образовавшуюся в истории музыки”. Это говорится в том же 1935 году, с тех пор в истории музыки потрудились еще несколько все более радикализующихся поколений, и на месте “дыры” теперь Н. Метнер, возможно, увидел бы разверзшуюся “пропасть” или “бездну”...

Итак, в лице “крайних модернистов” перед нами - совершенные антиподы тем, кого Пушкин называл “жрецами единого прекрасного”. Не

могут же делать одно и то же дело те, кто служит гармонии, и те, кто, отвергая ее, экспериментируют с хаосом. Тут не технические, а сущностные различия.

Так кто же уравнивал в правах антиподов, кто стал присваивать авангардистам титул “великих”? Конечно, не зритель и не слушатель. Это происходило не на “полосе вкуса”, а на “полосе гения”, как выразился бы Кант, усилиями околхудожественных пропагандистов всего “передового и новаторского”, силами услужливых фактотумов “прогресса”. Сногсшибательные гении вводятся в скрижали культуры “методом присоединения” (по неуязвимой формуле П. Палиевского), когда к цепочке “бессмертных” как само собой разумеющиеся волевым образом присовокупляются “напумевшие” своими демаршами имена (Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Джойс).

Диктатура малочисленных, но кипучих активистов за несколько десятилетий окончательно оттеснила на обочину человеческие вкусы, внушив публике страх перед собственным ретроградством (по принципу андерсоновского “платья короля”). Но вместе с пассивным рядовым человеком под гипнозом господствующего секулярного прогрессизма оказалась, как мы видим, и христианская интеллигенция, безропотно терпящая чужих насаждаемых кумиров; “рабство у передовых идей”, эта выразительная инвектива Достоевского (имевшего в виду, правда, не культурную, а политическую подражательность) может быть адресована теперь и ей.

Между тем, подобное отмалчивание никак не совмещается с призыванием христианина быть сотрудником и соратником Господа Бога.

И вот, вулканическая гора, вавилонская башня опасного творческого продукта беспрепятственно растет и застилает горизонты европейской цивилизации. Однако мы продолжаем безмятежно жить в идиллическом убеждении, что кривая Европы как-нибудь вывезет. С тех пор, как она умчалась на быке, какая-то сила носит ее, не давая пасть и распасться. В поддержку наших надежд на благоприятность дальнейшего хода истории на том же коллоквиуме профессор Сорбонны Реми Брага развернул парадоксальную картину культурной истории Европы, величие и блеск которой рождались из слабости и нищеты. Правда, пикантная концепция исходного исторического ничтожества Европы, ее культурной беспочвенности и безродности потребовала жертвы со стороны ее географии: из европейского арсала автором были исключены не только Греция, но и Рим. Подпитала нашу уверенность в будущем этого уникала и остроумное, как обычно, замечание С. С. Аверинцева, что Европа “все время гибнет” и тем не менее всегда преодолевает губительные

рубежи, а другие цивилизации “прочно стоят”, а потом вдруг падают и распадаются, и уже не встают.

Однако самые пронизательные наблюдения над прошлым не в силах поручиться за будущее, если утяжеляются недуги настоящего. Вавилонская башня культурных отходов уже “громоздится до небес”, и нет никаких знаков ни на земле, ни на небе, которые бы сулили конец столпотворению. Напротив, на земле работа кипит под общественные аплодисменты. А то разноязычие, которым поразил Господь древних строителей, нашим постмодернистам не страшно, это их главный творческий материал, их “земная смола”. Так почему бы Европе не оказаться погребенной под необратимой массой духовных и овеществленных уродств?! В конце концов, нам гарантировано только одно, касательно Церкви: что “врата ада не одолеют ее”. Во всем остальном - полная неясность.

Дмитрий Сергеевич Лихачев напомнил нам, что спонтанно из хаоса выйти невозможно (“выход должен быть найден в новой идеологии”). И хотя он имел в виду смутное состояние сегодняшней России, не менее уместны эти слова ввиду духовного хаоса и actions destructrices на европейской культурной сцене. Зло, вопреки нашим упованиям на саморегуляцию западноевропейских процессов и вопреки популярной максиме Н. Бердяева, не “изживает себя на имманентных путях”. Оно боится только решимости и просвещенной воли человека - просвещенной той “идеологией”, которую нужно не столько заново создавать, сколько заново вспоминать. Это и есть христианская концепция “Божественного сотворения мира и призвания человека”.

Конечно же, ободряет нас голос Папы Иоанна Павла II, призывающий Европу пройти евангелизацию. Однако это дело не только Церкви, но и интеллигенции. Ведь второе крещение должно будет происходить не на пустом месте, а в авгиевых конюшнях современного духа, что потребует их неременной чистки, вытаскивания вон скопившейся грязи. Значит, христианское сознание должно вынести определение той магистрали, по которой сегодня движется этот дух, олицетворяемый, как и всегда, своими буревестниками. И размежеваться с ними.

Нынешнее же положение вещей уже ставит под вопрос и грозит отеснить в прошлое правду вынесенных в эпиграф колоквиума прекрасных слов Папы о “единой душе Европы, живущей общими христианскими и гуманными ценностями”.

Протоиерей *Димитрий Константинов*

“Баллада” о российской эмиграции.

(вторая волна российской религиозной и политической эмиграции 40-х годов XX столетия).

*“Благословите, народы, Бога, и провозгласите хвалу Ему.
Он сохранил душе нашей жизнь, и ноге нашей не дал
поколебаться. Ты испытал нас, Боже, переплавил нас,
как переплавляют серебро. Ты ввел нас в сеть, положил
оковы на чресла наши. Посадил человеки на главу нашу.
Мы вошли в огонь и воду, и Ты вывел нас на свободу.
Войду в дом Твой со всеسوужжениями, воздам Тебе
обеты мои, которые произнесли уста мои и изрек язык
мой в скорби моей.”*

(Псалом 65, 8-14)

Эмиграция явление не новое. Имела она место во все века и у всех народов. Причины ее, как известно, были всегда весьма разнообразны. Начиная с причин религиозного и политического характера и кончая причинами экономическими или даже экологическими.

Двадцатое столетие в отношении эмиграции превзошло многое до него бывшее. Российская политическая и религиозная эмиграция, в сочетании со второй мировой войной, явилась феноменом, не имевшим прецедента в обозримом историческом пространстве. Мы говорим о политической и религиозной эмиграции. Это - ранее первая российская эмиграция двадцатых годов и вторая сороковых годов XX столетия, которой, собственно, и посвящаем мы эту статью.

Мы говорим о политической и религиозной эмиграции. К началу исхода второй, количественно огромной эмигрантской волны, советский режим насчитывал двадцать пять лет своего существования. Богоборческая политика коммунистической диктатуры еще не дала тех разрушительных “плодов”, которые мы наблюдаем сейчас, после свержения семидесятилетнего гнета. В промыслительном исходе “второй волны” принимало участие более чем значительное количество верующих людей, стремившихся в первую очередь избавиться от того антирелигиозного давления, которое они испытывали на родине, а во вторую очередь - от политических основ советского режима. Вторая волна вынесла наружу и

немалое количество людей безрелигиозных, у которых советская власть успела изменить мировоззрение, но еще не сделала их богоборцами. Активных антирелигиозников во второй эмиграции было смехотворно мало. Но они все, в сущности, были политическими оппозиционерами, отрицающими теорию и практику большевизма. Недостатком этой нерелигиозной части второй волны было то, что они не понимали, что без решения мировоззренческих проблем невозможно говорить о новой постбольшевистской России.

В скудной литературе, посвященной второй русской эмиграции, указывались приблизительные цифры, характеризующие ее численность. Цифры эти были весьма скромны, не выходя за пределы шестизначных. Это была одновременно правда и неправда. Да, после того, как Запад во имя своих “национальных интересов” весьма сомнительного качества выдал в руки Советов миллионы россиян, никак не хотевших возвращаться обратно, несколькомиллионная эмиграция превратилась в эмиграцию относительно скромных размеров. Сущность явления в данном случае надо рассматривать не на фоне остатка, спасшегося каким-то чудом от насильственной репатриации, а на фоне той эмигрантской волны, которая к концу войны составляла несколько миллионов человек. Цифры приводятся разные, но я лично считаю, что мы имели дело с пятью миллионами человек. И когда мне подкладывают высказывания, что это все были “изменники Родины”, то я неизменно отвечаю на это так: изменников может быть сотни и даже тысячи, но когда речь идет уже о миллионах, то это не изменники, а мощное народное оппозиционное движение, в данном случае направленное против советской власти. Об измене говорить не приходится. В этом сходятся и российские, и западные исследователи, не обремененные догматикой советского образца. Кстати, очень охотно подхватила тезис об изменниках третья волна эмиграции...

Но и этот остаток мощной эмиграционной волны оказался весьма и весьма действенным. И только люди, по каким-то причинам не желающие знать правды о второй волне российской политической эмиграции, не хотят видеть то, что ею было сделано в огромном российском зарубежье, в котором находилась еще и первая российская эмиграция, а также значительное количество национальных эмигрантских образований, состоявших из выходцев из СССР. Все эти соображения должны быть учтены при анализе деятельности и действенности второй эмигрантской волны.

Еще одно замечание, связанное с расхожей и в достаточной мере “тупой” песенкой о второй волне. Звучит она примерно так: “Помилуйте! Вспомните первую эмиграцию! Булгаков, Бердяев, Бунин, Зайцев, Мельгунов, Милуков и т.д. Вот это имена! Вот это люди! А что дала

вторая эмиграция? Неизвестных никому Петровых и Ивановых, переполненных до предела советским хамством!" Эти разговоры свидетельствовали, что высказывавшиеся подобным образом не знали досконально "личного состава" эмигрантов второй волны (иначе - "второго призыва") и не понимали во многом почему там так много петровых и ивановых. А в этом вопросе следует разобраться.

Люди первой волны эмиграции выезжали за границу, находясь в своей собственной потенциально эмигрантской среде. Когда они попали за границу, им не было нужды, например, менять фамилию, скрывать наличие родственников в СССР, прятаться, подделываться под иностранцев, искажать свое имя и фамилию на иностранный лад и т.п. Поэтому Мельгунов остался Мельгуновым, Милоков - Милоковым и т.д. Кроме того первая эмиграция, в первую очередь была эмиграцией нашей дореволюционной интеллигенции, российской дореволюционной интеллектуальной элитой, принужденной покинуть Россию. Напомним, что среди этой именитой эмиграции большое место занимали чины белых армий, не по своей вине проигравших борьбу с большевиками. Была у первой эмиграции и прослойка "простых людей", например, рядовых солдат белых армий, не пожелавших иметь дело с большевиками. Но прослойка эта была весьма тонкой, существенно не влиявшей на судьбы первой волны.

В противоположность первой волне, вторая была не элитарной а народной эмиграцией с большой прослойкой советско-российской интеллигенции, среди которой было немало крупных в условиях СССР имен. Их по вполне понятным причинам было меньше, чем в первой волне, но они, безусловно, были. Но, попав в эмиграцию, спасаясь от восточных и западных преследований, связанных с печально знаменитой "операцией килевания", наши люди меняли не один раз свои фамилии, превращаясь то в эмигрантов первой волны, не подлежащих насильственной репатриации, то в иностранцев (поляков, чехов, венгров и проч.), часто не имея понятия об языке их новой национальности, а иногда скрываясь в трудно достигаемых местах. Было все, после чего приходится совершенно иначе подходить к затронутой проблеме. И нечего удивляться, если почтенный профессор ленинградского Университета, известный своими большими и серьезными трудами, вдруг превратился в госпитального уборщика, нося совершенно не свою, а какую-то иностранную фамилию, и зарегистрированный там как уборщик-иностранец, грамотный и "вполне подходящий" для выполнения порученной ему работы. И таких случаев было немало, и не всегда люди, попадавшие в подобное положение, могли в дальнейшем стать самими собою. А некоторые, достигшие достаточно крупного положения в западном мире, находясь под ложными фамилиями,

опасались связывать свое нынешнее положение с тем, что было в СССР. Таковы реальности, связанные со второй волной, а весьма значительное количество книг, изданных за рубежом авторами второй волны и частично замалчиваемых последующими эмиграциями, лишь подтверждает все вышесказанное. Мне лично кажется, что в обозримом будущем фантазмагория второй эмиграции будет предметом разбирательства в России, а “операция килевания” еще много испортит крови многоумному Западу и едва ли послужит созданию хороших и доверительных отношений между ним и Россией. Будущие российские дипломаты не раз напомнят Западу об “операции килевания”, а западные дипломаты будут чувствовать себя при этом довольно “неуютно”. И мне хочется спросить каждого русского человека, который будет читать эту статью, согласился ли бы он выдать, например, Гитлеру несколько миллионов немцев-антигитлеровцев, попавших в Россию во время войны и не хотевших возвращаться на родину, в обмен на несколько тысяч наших пленных, находившихся в Германии? И если читатель скажет “нет, не согласен на выдачу!”, то я должен буду отметить, кроме всего прочего, политическую мудрость его ответа, не говоря уже о его несомненно моральном статусе - категорическом отказе от предательства. Впрочем, это предательство не достигло своей цели. Не все пленные англо-американцы были возвращены Западу; ведь не мог же Сталин остаться без заложников! Мне пришлось увидеть, в каком положении находились иностранные пленные в советских лагерях. Не дай Бог никому это увидеть, но предавать наших людей во имя спасения иностранцев Запад не имел права.

Господь привел меня видеть все происходившее с российской эмиграцией в свете событий, связанных с так называемой Великой Отечественной войной. Я пишу “так называемой”, так как с моей точки зрения эта война была не великая, и не отечественная, а партийно-склочная бойня, погубившая в то время цвет российской нации. Советское правительство сразу после окончания войны заявило, что наши потери исчисляются в 20 миллионов человек. (Первое заявление Сталина гласило о 7 миллионах человек. - *прим. ред.*) Через несколько лет было заявлено, что предыдущая цифра была неточна, и что наши военные потери исчисляются в 27 миллионов человек. Цифра повысилась, т.к. за исчисление потерь в этой войне взялись и на Западе. Сейчас западные исследователи докопались и выяснили, что фактические потери СССР в этой войне исчисляются суммарно в 40 миллионов человек. Умудрились перерезать почти целую Францию по количеству людей. Но на этом дело не остановилось. Западные исследователи полагают, что 40 миллионов - цифра не окончательная, и что, вероятно, она должна будет еще несколько повыситься. Эти западные исследования в СССР тщательно скрывались, но

постепенно правда так или иначе проникла в страну. При этом надо учесть, что западные потери в войне были несравненно меньше наших, и даже Германия, ведшая наступательную войну, по своим потерям перенесла ее гораздо легче, чем Россия.

В России настолько утвердилась версия “Великой Отечественной”, что еще много пройдет времени, прежде чем этот, с моей точки зрения, миф будет развеян. Советские источники утверждают, что Гитлер, вопреки заключенным договорам, вероломно напал на СССР. Это правда, но почему он это сделал, об этом молчат. Ведь не надо считать, что Гитлер, окружавшая его правящая партийная верхушка, весьма квалифицированный немецкий генералитет представляли из себя сборище идиотов или глупцов, рискнувших начать грандиозную войну на два заведомых фронта. От хорошей жизни на это не пойдешь. И это прекрасно понимали в Берлине. Англия не сдавалась, на горизонте маячило вмешательство США в войну, понятно, на стороне Англии, и при таких обстоятельствах начинать войну с СССР едва ли было целесообразно. Но тогда почему же Германия в лице своих правящих кругов бросилась в эту войну? Да просто потому, что немецкая разведка прекрасно к этому времени знала, что СССР исподволь готовится к полному захвату Западной Европы, который начнется, когда Германия начнет ослабевать в этой войне. Попав на Запад, я постепенно разобрался в этой ситуации и знаю теперь, что по западным источникам советское наступление, которое должно было носить молниеносный характер, могло начаться уже осенью 1941 года. Ознакомление со многими материалами, связанными с тем, что делалось перед началом войны в советских вооруженных силах, в значительной мере подтверждает эту точку зрения. Немецкое нападение на СССР, несомненно, носило также и превентивный характер, предупреждая возможное советское нападение.

Сама война велась советской стороной совершенно безобразно. Тактика пушечного мяса, основанная на совершенно наплевательском отношении к человеческим жизням, господствовала в вооруженных силах СССР. “Что, нет снарядов? Танки не подошли? Артиллерия застряла в снегу? Люди устали? Ничего, наша пехота вывезет! Вперед, за Родину, за Сталина!” Груды трупов и ноль успеха... Немцы вынуждены были отступать тогда, когда гряда тел наступающего противника, легшая на брустверах немецких окопов, фактически мешала вести огонь, создавала условия, при которых обороняться было уже невозможно. Мы заваливали немцев трупами наших солдат, исходя также и из того, что наши резервы безграничны. Тупость советского генералитета эпохи второй мировой войны привела к тому, что к концу войны этих резервов у нас не было, и политработники плаксивыми голосами говорили солдатам, что

прибывающие пополнения являются нашими последними резервами. Это было уже в 1944 году, когда действительно едва ли не последние солдаты поступали в армию из Сибири.

На этом фоне советского военного бедлама с самого начала войны развились пораженческие настроения, имевшие под собой серьезные основания. Разберемся в них безо всяких предвзятостей и дешевых штампов пропаганды. Я, верующий христианин, должен был сразу же занять пораженческую позицию, от которой не собираюсь отречься. Для меня, как для верующего человека, самым ценным является человеческая жизнь, данная Господом Богом, которую по существу никто не может отнимать. Война отнимает эти жизни, но надо воевать так, чтобы был минимум возможных потерь. Война принесла нам не менее 40 миллионов жертв. Я спрашиваю, что важнее - временная ли потеря территории или миллионы жертв? Для меня ответ ясен: важнее человеческие жизни, чем территории. Для советской правящей верхушки важнее была территория, престиж "никогда не ошибавшейся партии", фанфары победы, которая должна была быть достигнута любой ценой. И вот эту цену, погубившую десятки миллионов, в первую очередь молодых, жизней, я не приемлю. Я предпочитаю под угрозой полного уничтожения отдать немцам во временное пользование, например, Украину, но сохранить жизни, прекрасно зная, что по прошествии известного времени все встанет на свое место и никаких немцев на Украине не будет. И когда говоришь о наших потерях с людьми, относившимися к командованию армией во второй мировой войне, то слышишь: войны без потерь не бывает! Весь вопрос в том, каковы могут быть допустимые потери. В западных армиях ни один командир не рискнет делать то, что проделывало советское командование со своими несчастными солдатами.

На все сказанное мне иногда отвечают: но немецкая оккупация, даже временная, несет с собой немалые потери. Да, это верно, но счет потерь от возможного немецкого террора будет вестись на тысячи, но не на миллионы. А если на оккупированной территории не будет искусственно насаждаться партизанское движение, то потери вообще будут незначительны.

В этих условиях неудивительно, что тысячи советских солдат охотно сдавались в плен, создавая предпосылки для возникновения огромной политической эмиграции. Люди интуитивно не верили в советские ценности и никак не хотели умирать "за товарища Сталина". К ним, естественно, надо присоединить миллионы т.н. "остарбайтеров", т.е. гражданское население СССР, вывезенное в Германию для работы в немецкой промышленности. К этим последним надо добавить еще и тех, кто попал в Германию вместе с отступавшей германской армией, не желая

больше встречаться с “дорогой советской властью”. И это были никакие не “изменники”, а просто люди, настроенные оппозиционно к советской власти. Явление, которое неоднократно повторялось в мировой истории, и никогда не расценивавшееся как “измена”.

Таким образом, к концу войны на территории Германии скопились миллионы россиян, отвергающих советскую власть и избравших крестный путь эмиграции. Крестный путь, потому что эмиграция - это не увеселительная прогулка за границу, а весьма трудная задача, если подходить к ней с идейной точки зрения, в данном случае с точки зрения уничтожения диктатуры КПСС. В Германии находились миллионы людей, составивших основу второй политической эмиграции из СССР. Мы пишем “из СССР”, потому что была еще другая вторая политическая эмиграция россиян из Китая, связанная с приходом к власти китайских “товарищей”. Она, в конечном итоге, почти вся осела впоследствии на западном побережье США, и во многих отношениях отличалась от советской эмиграции.

Когда в Москве праздновали победу над Германией, в последней скопились миллионы людей, с тревогой ожидавших дальнейших событий, независимых от них, но определявших их будущую судьбу. Под звон московских фанфар мы все понимали, что знаменитая победа над Германией оборачивается страшным и кошмарным поражением, ибо о какой победе можно говорить, когда она стоила более сорока миллионов жизней. Цена невыносимая и небывалая, превращающая пресловутую победу в тяжкое и кошмарное поражение, принесшее горе и страдания миллионам людей, даже и не причастным к военным действиям. Цена бездарностей, возмнивших себя суворовыми и скобелевыми, но психологически оставшихся на уровне кавалерийских вахмистров.

Организованная западными демократами насильственная выдача россиян на съедение Сталину обернулась кровавой эпопеей расстрелов, зверских избиений, самоубийств не только мужчин, но и женщин, и даже детей, продолжавшаяся до тех пор, пока Москва не наделала глупостей, как всегда зарвавшись, нахамив и вызвав ответную реакцию, исходившую из правящих кругов западного мира. Уже главнокомандующий вооруженными силами США, генерал Эйзенхауэр, приказал прекратить выдачи, получив донесение о расстреле репатриантов, прибывших в Одессу под охраной американских военных. Во второй половине 1946 года выдачи в основном прекратились, хотя в виде “случайных” рецидивов повторялись в отдельных местах. В результате от многомиллионной эмиграции осталась эмиграция, исчисляемая в несколько сот тысяч человек, но закаленная и раз навсегда потерявшая даже остатки доверия и к советской власти, и к западному миру, предавшему ее. Если до начала

“операции килевания” среди эмигрантов, находившихся в Германии и в других европейских странах, были люди, мечтавшие о возврате на родину и добровольно возвратившиеся, то теперь их не было. Насильственные выдачи и поведение советских органов, занимавшихся репатриацией, раз и навсегда отбили охоту даже и думать о репатриации, но вселили во многих людей чувство страха, неизжитое до сего дня. Это парадокс, но парадокс весьма реалистичный.

Весной 1946 года меня арестовали американцы и посадили в тюрьму, с тем, чтобы в дальнейшем передать меня советским властям, как человека подлежащего насильственной репатриации. Происходило это в городе Байроте (Бавария). Выдача задерживалась, так как американцам, видимо, претила насильственная выдача священника. Они много раз меня допрашивали, интересовались, как я представляю свою судьбу в случае отправки меня в СССР, интересовались, не отразится ли благоприятно на моей судьбе несколько измененное отношение к Церкви со стороны советской власти, введенное Сталиным во время войны. Конечно, было много вопросов, связанных с моим участием, как священника, во Власовском движении, интересовались, был ли я связан с нацистами и т.п. Вопросов было много и они затянулись или были искусственно затянуты до самой осени 1946 года, когда Советы своим поведением начали серьезно портить свои отношения с американцами. Именно в этот момент меня без всяких долгих разговоров выпустили из тюрьмы и осторожно намекнули, что мне в общем-то повезло: если бы я не был в тюрьме под “охраной” американцев, я, вероятно, давно был бы в СССР, а также посоветовали мне подумать об отъезде из Германии, благо к этому времени начался разъезд эмиграции по странам, согласившимся их принять.

Разъезд эмиграции действительно начинался, но был еще в самом зачаточном состоянии. Пик разъезда по другим странам пришелся на 1948-49 г.г., но уже в это время начинали составляться всякого рода списки, заполнялись анкеты для консульств разных стран, наводились справки, где нужны те или иные специальности, проводились консультации, которые довольно часто устраивала американская УНРА. Но одновременно продолжала активно действовать и советская агентура. Продолжали свою работу репатриационные советские миссии, пользовавшиеся полной свободой и продолжавшие отыскивать нужные им жертвы, настаивая на принудительной их репатриации, получая отказ и снова настаивая на выдаче нужных им людей, представляя самые различные “документы”, говорившие о том, что эти люди преступники. Вначале им верили, но скоро убедились, что все эти документы - фальшивки, не имеющие ничего общего с действительностью. Эти попытки репатриационных миссий

“подкреплялись” практическими действиями в виде убийств отдельных эмигрантов, похищений, дискредитации, калечения людей при помощи “несчастных случаев”, отравлений, утоплений и прочего в том же роде. Никто не чувствовал себя в безопасности, и поэтому большинство стремилось убраться из Европы куда-нибудь подальше. Многие бы вообще остались в Европе, если бы не эта скрытно-террористическая деятельность советских репатриационных миссий. Нас совершенно откровенно вышибали из Европы, давая советскому СМЕРШу свободу действий. Но были у советчиков и провалы, заканчивавшиеся громкими скандалами. Их это не смущало, и они продолжали выполнять директивы “вышестоящих органов”.

Мы с женой вначале “записались” на эмиграцию в США, понимая, что нам тоже пора подумать о занятии более безопасных позиций. Мне начинали “давить на пятки”, устраивая всякого рода истории с “доказательствами”, что я вовсе не священник, а “дезертир” и “проходимец”, скрывающийся под видом священника. Мы начали собираться, но в это время эмиграция в Америку временно была закрыта (практически больше чем на год) и мы переключились на Южную Америку, в частности, на Аргентину, охотно принимавшую российских эмигрантов. Но прежде чем рассказывать о наших эмигрантских судьбах в странах Южной Америки и в США, где скопилась главная часть второй волны, я считаю нужным остановиться на ее роли и значении, о которых мало вообще кто в наше время знает. И, как ни парадоксально будет мое мнение о значении второй волны, я считаю необходимым его высказать без всяких оглядок на “княгиню Марию Алексеевну”. По моему мнению, российская эмиграция второго призыва по своим роли и значению превосходит все остальные “волны”, и в некоторых отношениях имеет преимущества перед знаменитой первой волной. Это была подлинно народная оппозиция советской диктатуре, призванная для практической борьбы с ней. Это бесспорно идейная религиозная и политическая эмиграция, боровшаяся бескомпромиссно с большевизмом. И если первая, несомненно, заслуженная антикоммунистическая эмиграция носила ярко выраженный интеллектуальный характер, сосредоточив свои усилия главным образом на идейной борьбе с коммунизмом, лишь частично пойдя на открытую борьбу с ним (РОВС, НТС), то вторая волна вся, почти без исключения, так или иначе ринулась на борьбу с осточертевшим ей советским режимом всеми доступными ей способами, ожесточив борьбу с советской агентурой до предела, теряя в этой борьбе людей, нанося одновременно урон противнику, не забывая об идейной борьбе с большевизмом, и вызвала в конечном итоге ненависть (в лучшем случае - недружелюбное отношение) последующих волн эмиграции, пришедших на

запад искать сладкой жизни. Относясь с полной и искренней лояльностью к странам, приютившим ее, она всегда помнила о России, из которой вышла, и никогда и нигде не называла навязчиво и угодливо страну своего пребывания “нашей страной”, памятуя свою Родину, которая, несмотря на многое отрицательное, дала возможность российской эмиграции занять должное место в западном мире. И конечно, никакого отношения вторая волна не имеет к нацизму, от которого она брезгливо отворачивалась, иронически интерпретируя его “аксиомы”.

Что же существенное сделала вторая эмиграция? Прежде всего, и это для нас главное, она проявилась как эмиграция религиозная. Вместе с рассеянием второй волны по разным, самым отдаленным странам, в них стали создаваться православные храмы (а равно - храмы иных конфессий), заработали церковно-приходские школы, начала проявляться церковная общественность и благотворительность. Церковные лампы зажглись не только в культурных центрах этих стран, но они зажглись и в холодных окраинах южного полушария, у Южного полюса, в аргентинских прериях, на бразильских кофейных плантациях, венесуэльских нефтеразработках, в различных районах США, где не было православных церквей, в канадских лесах и во многих других местах. Говоря это, я совсем не хочу сказать, что до прихода второй волны эмиграции за рубежом не было, например, православных храмов. Были, конечно... Но их было мало. В столице Аргентины, многомиллионном Буэнос-Айресе, был один Свято-Троицкий каменный храм, построенный отцом протопресвитером Константином Изразцовым. Им же был построен ряд храмов в аргентинских провинциях. Но, когда пришла “вторая волна”, вместо одного храма в Буэнос-Айресе и его ближайших пригородах, где обычно расселяется эмиграция, было построено еще семь православных храмов. То же самое имело место и в других местах нашего рассеяния. Все эти церкви всегда были полны народа. Молитвенный настрой в первые годы нашей эмиграции чувствовался гораздо сильнее, чем у представителей эмиграции первой. Но даже и потом, когда несколько стала спадать религиозная настроенность, она в основном сохранялась до самого конца. И с этой точки зрения, мы можем совершенно уверенно говорить о второй волне как о волне миссионерской, немало сделавшей для утверждения церковности в своей среде, но и сказавшей свое слово в отношении гонений на религию в СССР. Во всяком случае, можно считать весьма редким, когда московская печать заверещала как по команде о моей книге “Тонимая Церковь”, вышедшей в эмигрантском издательстве в 1967 году. (Прот. Димитрий Константинов. “Тонимая Церковь. Русская Православная Церковь в СССР.” Нью-Йорк, Всеславянское издательство, 1967, стр. 328. Об этой книге писали советские “Москва”, № 66 от 20 марта 1970 года; “Голос

Родины", № 26, март 1970 года; "Наука и религия" № 7, 1970 год; "Вопросы научного атеизма", выпуск 12, Москва, Мысль, 1971 год; Э. И. Лисавцев. "Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР". Москва, Мысль, 1971 год; А. Белов, А. Шилкин. "Идеологические диверсии империализма и религия". Москва, Знание, 1970 год; А. Белов, А. Шилкин. "Диверсия без динамита". Москва, Политиздат, 1972 год. - прим. автора) Ряд других акций, предпринятых нами в целях борьбы с разорением Русской Православной Церкви, были соответственно отмечены диктатурой. Незамеченными они не проходили. Таким же злопыхательством диктатура встретила и другую мою небольшую работу "Религиозное движение сопротивления в СССР" (изд-во СБОНР, Канада, 1967), предоставив советской печати в "открытую" критиковать мою книжку. Явление для того времени совсем необычное.

Борьба за Церковь в СССР, естественно, координировалась как-то с борьбой политической. Последняя рассматривалась нами как продолжение религиозного движения сопротивления, обращенное к практическим "земным" делам. И здесь накал страстей был необычным. Борьба политическая как бы расчленилась на два рукава. Один - это прямая борьба с диктатурой путем идеологическим - через печать, радио, соответствующие акции в западном мире, выступления на таких форумах, как ООН, Конгресс США, парламенты южноамериканских стран, европейские парламенты, университеты и всякого рода иные акции, разоблачающие всю ложь и мерзость большевизма. Другое направление, чрезвычайно важное и эффективное - борьба с массовой репатриацией в СССР, задуманной диктатурой именно в это послевоенное время. А план репатриации был весьма обширен, и был в значительной мере сорван именно второй российской политической эмиграцией.

Детализируя первую сторону политической деятельности второй эмиграции, отметим, что именно вторая волна активно шла навстречу западным акциям сотрудничества с эмиграцией, не подражая в этом отношении первой эмиграции, все время видевшей в западных акциях помощи эмиграции какие-то симптомы, угрожающие будущей, но еще не существующей России. Мы подходили к этому несколько иначе. Больших средств для ведения активной политической работы у нас, понятно, не было. И большинство из нас считало, что предлагаемая помощь западных инстанций, вроде американского Комитета Освобождения Народов России, идущих антикоммунистическим путем и являющихся в данное время нашими несомненными союзниками, должна быть использована, а что касается будущего России, то, выражаясь грубо, это является "шкурой неубитого медведя", и ломать копыя из-за расхождений в оценке этого будущего едва ли целесообразно. Поэтому большинство из нас, активных

деятелей второй эмиграции, считало, что в практическом плане сегодняшней борьбы не следует рвать с представителями западного мира добрососедские союзнические отношения из-за расхождений теоретического порядка в отношении неизвестного будущего и практического осуществления этого будущего. Особенно раздражали многих американские тенденции к расчленению России. Но кто мог тогда предположить, что большевизм падет сам в начале девяностых годов? А если бы даже и знали, то что, собственно говоря, это меняло в отношении эмигрантской ситуации, сложившейся к пятидесятым годам? Быть может, позиция, занятая нами в отношении западной помощи, была более примитивна, чем сложные рассуждения представителей элиты первой волны, но практически она оправдала себя, являясь плодом реалистического подхода к окружавшей нас действительности. Благодаря этому, многие эмигрантские органы печати, организации, эмигрантские библиотеки и школы получали известную материальную поддержку и возможность расширять свою деятельность. Отказывались от такого подхода старые, главным образом, монархические группировки, усматривая в нем "предательство и измену". Сейчас уже можно судить, кто был прав, а кто "виноват", но тогда судить об этом было трудно. Но, во всяком случае, отношение к западному миру и сотрудничество с ним явились также еще одним оселком, на основе которого происходило разделение эмиграции на отдельные группы, группки и партии, погибавшие вскоре после своего возникновения. Пожалуй, одним из исключений явился Народно-трудовой союз (солидаристов), - НТС, - взявший нашу сторону вести линию союза с Западом, и продолжающий существовать в наше время. К сожалению, вторая волна эмиграции не составила исключения в этом отношении. Инфекция разделения коснулась и ее, хотя и в меньшей степени, ослабляя ее эффективность и деятельность, прикрываясь афоризмом "мы не в изгнании, мы в послании". Сознание providенциальности судеб второго исхода не покидало нас до конца нашей волны.

Советская власть, отмечая "изменническую деятельность" второй эмиграции, попыталась нанести ответные чувствительные удары по наиболее неприятным для нее местам. В пятидесятых годах был убит (отравлен индийским ядом) сотрудник издаваемой мною газеты "Новое Слово" Николай Михайлович Февр. В Бразилии в это же время был зверски убит доктор Попов. Был в дальнейшем отравлен эмигрантский журналист Михаил Бойков. Кого-то выбросили с шестого этажа строящегося дома, кто-то умер неожиданной и "беспричинной" смертью... Было сделано покушение и на меня. Меня попытались отравить в Русском

Доме в Буэнос-Айресе, но из этого ничего не вышло, хотя место было выбрано удачное. Все можно было свалить на эмигрантские разногласия...

Эти усилия нанести чувствительные удары по второй эмиграции вызывались не только ее деятельностью, но и тем, что по существу нерукотворным памятником второй эмиграции явилось Освободительное движение народов России, именуемое в просторечии Власовским. Вторая эмиграция - в основном эмиграция власовская. И не потому, что в ее рядах были солдаты и офицеры Власовской армии, избежавшие насильственной репатриации, но потому, что ее идейный спектр в основном базировался на идеологии освободительного движения. Мы все, по существу, были власовцами потому, что наши представления, связанные с освобождением нашей Родины от большевизма, в своем позитивном оформлении целиком базировались на Манифесте Комитета освобождения народов России, просто и без прикрас отразившем чаяния нашего народа. Документ этот имеет несомненное значение и теперь, что и было отмечено в современных российских органах печати, опубликовавших его. Думается, что придет время, когда Манифест КОНР будет весьма серьезно изучаться не только историками, но и политиками. К этому рано или поздно придем.

К сожалению, Власовское движение в эмиграции не выдержало испытания, попав в руки людей, которые начали делать из него нечто, принадлежащее только им. Движение начало делиться на отдельные группы и организации, возглавлявшиеся иногда самозванцами, не имевшими к этому движению никакого отношения. Это ослабляло нас и вносило немало внутриэмигрантских недоразумений. Характерно, например, что когда в Аргентине в пятидесятые годы была открыта походная церковь Власовского движения, вывезенная мною из Германии, то посещали ее и были постоянными прихожанами те власовцы, которые не входили ни в какие власовские "организации", испеченные в послевоенное время. Именно они дали возможность открыть здоровый, лишенный эмигрантского политиканства, приход. Остальные посещали те храмы, которые им указывали их новые вожди, руководствовавшиеся "высшими политическими соображениями", главную роль в которых играло их желание быть "вождями". К сожалению, "вождизм" был весьма опасной эмигрантской болезнью, принесшей нам немало зла. Но, тем не менее, в эмиграции, кроме организаторов совершенно ненужных организаций, было немало здоровых и ответственных сил, понимавших сложность обстановки и стремившихся как-то нейтрализовать попытки начать внутриэмигрантскую "гражданскую войну". Попытки эти были резко пресечены, и "вождям" пришлось несколько сократить в своей не совсем полезной деятельности.

Всячески стимулируя внутриэмигрантскую борьбу (к сожалению, как показывает наш полувековой опыт, почти неизбежную в эмигрантском зарубежье), советская власть всячески стремилась ослабить “власовскую эмиграцию”. Одним из этих ослабляющих моментов были наши взаимоотношения с просоветской эмиграцией. И вот об этом надо поговорить.

В смысле состава эмиграции американский континент резко отличался от Европы. Если в Европе, по окончании насильственной репатриации, оставалось какое-то количество первой и второй эмиграции, то в Америке картина была иная. Американский континент, от Канады до Аргентины, явился той частью земного шара, куда устремлялась экономическая (в основном) и политическая эмиграция из императорской еще России. К концу Второй мировой войны там жили и действовали не только “первопроходцы” эмиграции, но и последующие их поколения. Их было довольно много. Больше всего их скопилось в Аргентине - около 300 тысяч.

Памятуя об этих “неиспользованных резервах”, советская власть решила начать репатриацию этих людей, чтобы восполнить недостатки в рабочей силе, связанные с военными потерями и потерями в советских концлагерях. Особое внимание советской власти было уделено Аргентине, в которой скопилось огромное количество эмиграции этого рода. Часть этих эмигрантов покинула Россию либо до революции 1917 года, либо сразу после нее. Часть эмигрантов в более позднее время приехала из Польши, в частности, из тех мест, которые получили название Западной Украины и Западной Белоруссии. Почти никто из этой категории эмигрантов не имел правильного представления о происходившем в России. В результате, после революции и окончания гражданской войны эмигранты, проживавшие на американском континенте, в своем большинстве превратились в просоветски настроенную группу населения Америки, убежденную в том, что в СССР наступил если не земной рай, то во всяком случае, справедливый строй для трудящегося человека. Отрицательная информация о советской власти воспринималась как “буржуазная пропаганда”, естественно, враждебная новому строю. Особенно усилились ура-патриотические чувства во время войны с Германией. Эти чувства подогревались, к тому же, советскими дипломатическими представителями, делавшими свои карьеры на неосведомленности этих людей.

Когда президент Аргентины генерал Хуан Доминго Перон, уже после окончания Второй мировой войны, выразил свое согласие и желание принять в Аргентину российских эмигрантов первой и второй волны, а также охотно и особо согласился дать приют русским офицерам-

инвалидам первой мировой войны, это был не только гуманный, но одновременно и политический акт. Перон хотел, впустив в страну послевоенную эмиграцию, приобрести ценное пополнение для различных секторов аргентинской экономики, и одновременно - идеологически устойчивый элемент, противостоящий коммунизму.

Южноамериканские, и в частности, аргентинские старожилы российского происхождения приняли приехавших в штыки. На их головы посыпались эпитеты: "белогвардейцы", "предатели", "изменники", "нуды" и прочее в том же роде. С особой ненавистью они относились к приехавшим представителям второй российской эмиграции, получившим прозвище "фашистов".

Все это предвещало "гражданскую войну", и она действительно началась. Печатным органом второй политической российской эмиграции явилась газета "Новое Слово", редактором и издателем которой был протоиерей Д.Константинов, руководивший этой газетой одиннадцать с лишним лет (1949-1960). "Новое Слово" явилась не только органом большинства второй эмиграции, но и охватила многие элементы первой эмиграции, занявшие, как и руководители этой газеты, абсолютно непрережденческую позицию в области будущего России. "Новое Слово" также стала церковно-общественным органом печати, уделяя религиозным вопросам значительное место.

Мы это пишем потому, что уже в первой половине пятидесятых годов советская власть решила приступить к массовой "добровольной" репатриации всех трех эмиграций. Она делала количественную ставку на аргентинских старожилов, разagitированных до предела в пользу "истинно народной власти". Она делала политическую ставку, в первую очередь, на представителей второй эмиграции, мечтая о расправе с нею и не забывая одновременно и о первой российской эмиграции. Эта "тройная установка" имела свою специфику и определяла действия советской агентуры в Южной Америке.

В середине 1953 года можно было также констатировать следующее: советская пропаганда принуждена была несколько "сменить пластинку" и изменить свою не особо оригинальную программу. В частности, в просоветских эмигрантских кругах и среди лиц, по неосведомленности сочувствовавших им, стали поговаривать, что, действительно, раньше, еще до войны, в СССР жить было "неважно", но теперь-де все изменилось к лучшему и стало совсем "по-другому". Перемену пластинки пришлось сделать, так как полностью правду об СССР скрыть было невозможно. Многое стало известным и в просоветских кругах. Информации эти исходили от зарубежной российской печати, которую все же под шумок

просоветчики читали, а также стали просачиваться слухи из-за железного занавеса.

В Аргентине и некоторых других странах Южной Америки в первой половине пятидесятых годов набралось от 40 до 50 тысяч человек, рвавшихся во что бы то ни стало вернуться на “счастливую родину”. Все они были выходцами из Российской Империи или их дети и даже внуки, а также представители славянской эмиграции из Польши (в границах до 1939 года), частично не привыкшие к южноамериканским условиям.

Надо отметить, что среди всех национальных эмиграций имелось значительное количество старожилов, проживавших постоянно в странах их рассеяния. В репатриационном отношении относительно податливыми оказались прибалтийские и польская группы, тоже за счет ранних эмиграционных волн.

К этому довольно значительному числу потенциальных эмигрантов следует добавить и некоторое количество представителей российской антикоммунистической эмиграции всех формаций, заболевших ностальгией и решивших присоединиться к жаждущим уехать в СССР. Если учесть все сказанное выше, то речь шла о весьма большом количестве потенциальных возвращенцев.

При оценке итогов репатриации надо исходить не только из абстрактного количества уехавших в СССР, но и из того, сколько народу собиралось уехать и сколько эмигрантов вообще проживало в данной стране. Поэтому, если мы назовем цифру в 3000 человек, уехавших, например, из Аргентины в СССР и в другие страны советского блока в первой половине уже 1956 года, то она наводит на размышления. Их совсем немного, и в своем большинстве они были украинцами. Видимо, где-то произошла осечка... И, если эта осечка произошла, то в этом “виновата” исключительно вторая и - отчасти - первая эмиграция. Ожесточенная борьба эмиграции против репатриации старожилов напоминала библейскую борьбу Давида с Голиафом, причем Голиафа всячески поддерживали советские организации, включая посольства на американском континенте. Борьба затруднялась еще и тем, что между огромным массивом дореволюционной, и в основном крестьянской, эмиграции и российской политической эмиграцией позднейших формаций лежала не только сплошная перегородка взаимного психологического непонимания, но и непроходимая политическая пропасть.

Указанное обстоятельство дало советской пропаганде дополнительные возможности “удобить эту, еще не возделанную почву” и взрастить на ней ядовитые плоды советского патриотизма. Немало этим настроениям помогла и западная печать, как всегда отождествлявшая советскую победу в войне с русской победой, и СССР - с Россией. Часто не

знаешь, помогала нам западная пресса или мешала своими не вполне грамотными высказываниями по "русскому вопросу". Советская же пропаганда породила десятки тысяч советских патриотов, занявшихся до своего предполагаемого отъезда на родину весьма активной и не всегда абсолютно законной деятельностью. Сейчас даже трудно оценить тот вред, который эти обманутые люди нанесли странам, в которых они нашли приют и неплохие условия жизни. Все они (или большинство этих людей) обладали советскими паспортами, приняли советское гражданство, но их отъезд задерживался до 1956 года. Советская власть считала целесообразным поддержать этих добровольных пропагандистов и агентов на территории Аргентины и других американских стран.

По имевшимся данным, советское посольство в Аргентине имело спущенный план на вывоз эмигрантов, начиная с 1956 года, в 30 тысяч человек. Но неожиданно этот план потерпел крушение. Повторяем: указанный прорыв в советофильском репатриационном фронте аргентинских старожилов российского происхождения был сделан российской эмиграцией, главным образом, второй волны, прибывшей в Аргентину в виде так называвшихся "Ди-Пи" в 1948-49 г.г. Это несомненная ее заслуга.

Начался прорыв с примитивных драк с советофилами у Дома эмигрантов в буэнос-айресском аэропорту, неизменно заканчивавшихся в аргентинской полиции. Продолжался штурм против советофилов и все последующие годы при помощи русской печати и устной пропаганды, бесед и общения с ними. "Штурм" привел к расслоению советофилов и отколу от них группы засомневавшихся в прелестях "социалистического рая", а дальше - и к превращению их в противников советского строя. Оказалось, что можно добиться подобных результатов даже при условии распыленности и идейной раздробленности российской эмиграции, разбившейся на отдельные группки, каждая из которых претендовала на "ведущую роль". Но борьба против репатриации получила своего рода ось, вокруг которой и проводились многочисленные акции. Такой осью явилась газета "Новое Слово" (Буэнос-Айрес), взявшая на себя основной груз антирепатриационной акции.

Кое-кто в это время успел уехать в СССР, но их отъезд привел к не совсем желательным для советских организаторов массовой репатриации результатам. Постепенно стали из СССР приходиться письма от уехавших старожилов, в которых, уже весьма осторожно (быстро научились!) высказывались сожаления о покинутой Аргентине. Но советские органы, ведавшие репатриацией наших соотечественников, были также особенно заинтересованы в репатриации представителей второй эмиграции, надеясь заманить их в СССР для дальнейшей расправы. В связи с этим, а также

видя, что с репатриацией старожиллов "что-то не получается", советский комитет "За возвращение на Родину" издал обращение к эмиграции и принял меры к его достаточно широкому распространению. Обращение датировано 29-м марта 1957 года. Приводим его полностью.

"Уважаемый соотечественник!

В последнее время в Комитет "За возвращение на Родину" поступило много запросов о законе об амнистии, что свидетельствует о несомненном интересе к этому вопросу, а с другой стороны, о наличии неясностей в понимании положений закона.

Напоминаем пункт 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7.9.55. Указ гласит: "Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины".

По этому пункту Указа юридический отдел Посольства СССР дал Комитету следующее разъяснение: "Ответственности за антисоветскую деятельность подлежат и так называемые старые эмигранты, однако, и на них распространяется положение пункта 7 Указа об освобождении от ответственности". Какую патриотическую работу может развивать отдельный человек, находящийся за границей?

Советское государство окружено врагами, которые не гнушаются ничем, чтобы подорвать его мощь. Ими организованы многочисленные шпионские и диверсионные организации, подчиненные различным иностранным разведкам. Эти организации систематически распространяют ложь и клевету о Советском Союзе и препятствуют возвращению на Родину истинным патриотам.

Долг каждого честного патриота - бороться с этими происками врага. Каждый должен следить за настроениями окружающих его соотечественников, выявлять тех, кто ведет антисоветскую работу. Об этих людях следует собирать сведения и передавать ближайшим советским представителям.

Требуется сообщать: фамилию, адрес, профессию, в каких организациях состоит, какие высказывания делает (на открытых собраниях, в частных беседах), пишет ли в органах печати (каких), имеет ли связи с иностранцами и т.д.

Всякий честно работающий на пользу Родины, находясь за границей, будет амнистирован и еще до своего возвращения на Родину и

получит об этом письменное уведомление через соответствующее советское консульство.

С приветом.

Председатель Комитета Н. Михайлов"

Тем не менее, несмотря на довольно ясные призывы и практические указания об искуплении вины перед родиной, михайловский комитет все же не смог похвастаться значительными успехами. Отъезд новых эмигрантов, выбравшихся из СССР после войны, для уловления которых в первую очередь, в сущности, и был создан комитет, не получил сколько-нибудь значительного размаха. По всем странам российского рассеяния были зарегистрированы лишь отдельные случаи добровольной репатриации бывших "Ди-Пи" из числа наименее устойчивых лиц, политически неактивных, целиком ушедших в личную жизнь, превратившихся в своего рода политический балласт.

Письмо михайловского комитета поступило в редакцию "Нового Слова" на мое имя. Не желая замалчивать этот факт, и не считая возможным отмаливаться от подобного рода корреспонденции, я ответил Открытым письмом на страницах редактируемой мною буэнос-айресской газеты "Новое Слово" в мае 1957-го года.

**ОТВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА
"ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ"
ГЕНЕРАЛУ Н. МИХАЙЛОВУ**

Гражданин председатель!

Я получил письмо комитета "За возвращение на родину", очевидно, одно из многочисленных писем, которые рассылаются российским политическим эмигрантам; многие из них, к сожалению, трусливо молчат и скрывают получение подобных писем или, что хуже, конечно, для нас и для них, попадают на приготовленную для них удочку.

Я должен также отметить, что комитет не особенно хорошо информирован. Для меня лично не является секретом, что мой адрес был получен от тех лиц, которые репатрировались из Аргентины в СССР и выбрали меня объектом т.н. "патриотической" (вернее, доносительской) деятельности. И можно лишь удивляться, что до этого времени комитет не имел моего адреса, хотя и вспоминал в не особенно корректной форме о моем существовании на страницах газеты "За возвращение на родину".

Что я могу сказать по существу полученного письма? Прежде всего то, что в объявленную коммунистической диктатурой "амнистию" я не верю, ибо это такой же обман, как и многое другое.

Утверждение, что советское государство окружено врагами, которые всеми силами стараются подорвать его мощь и распространяют ложь и клевету про СССР, как и сами великолепно понимаете, является выдумкой. Ибо в мире имеется только одно государство законченного тоталитарного образца, стремящееся свергнуть весь мир в тюремный режим коммунистического рабства. И это государство является как раз той страной, которую представляет в данном случае комитет "За возвращение на родину". А законную оборону свободного мира от перманентной коммунистической агрессии оно называет стремлением к подрыву мощи СССР. Российские же антикоммунистические свободные революционные организации им именуются "шпионскими и диверсионными". Все это необычайно примитивно и старо. Неужели нельзя было придумать что-нибудь более интересное и убедительное?

Возмущаясь псевдошпионской и псевдодиверсионной деятельностью русских антикоммунистов, комитет предлагает мне, как и многим другим, заняться агентурной и шпионской работой в пользу советской власти. Комитет хочет, чтобы я следил за настроениями окружающих меня соотечественников и выявлял всех, кто ведет антисоветскую работу, передавая сведения о них ближайшим советским представителям. Комитет хочет, чтобы я сообщал имена и фамилии этих лиц, их профессии, в каких организациях они состоят, что говорят о коммунистической диктатуре, пишут ли в органах печати и имеют ли связи с иностранцами.

Так как я не занимаюсь ни агентурной, ни шпионской деятельностью, и, тем паче, не собираюсь ею заниматься в пользу советской власти, то выполнить этого "патриотического поручения" не могу и заслужить т.н. амнистию не хочу. Единственно, чем могу помочь, это дать сведения о себе самом, чтобы не особенно толковые информаторы из Аргентины не вводили работников комитета в заблуждение и они не посылали бы мне писем.

Имя и фамилия мои уже известны, равно как и адрес. Что касается моей профессии, то, к огорчению комитета, должен буду сообщить, что являюсь в общем неприятным для советской власти "служителем религиозного культа" не московской юрисдикции и одновременно редактором церковно-общественной газеты "Новое Слово". Высказываюсь, где и как могу, против советской власти, прежде всего как власти принципиально безбожной, не говоря уже о прочем, пишу в ряде органов антикоммунистической печати, связи с иностранцами имею, но в организациях, как "служитель религиозного культа" (по коммунистической терминологии), не состою. "Амнистии" не прошу, так

как ни в чем виноватым себя не считаю, и возвращаться на родину, пока там господствует коммунистическая диктатура, не собираюсь.

Добавлю, что комитету удалось создать при помощи агентуры в достаточной степени тяжелую эмигрантскую обстановку в Южной Америке и, в частности, в Аргентине, направляя наиболее близорукую и отчасти морально отжившую часть эмиграции на ее живые и революционно-освободительные силы и представляя в иностранном мире происходящее как эмигрантские склоки, не заслуживающие внимания. Последнее особенно важно для коммунистической диктатуры, ибо иностранцы еще не знают на кого надо и можно опираться в смысле эмиграции при борьбе с коммунистической инфильтрацией.

Вам действительно удалось убедить репатрироваться незначительное в общем число наших соотечественников и убрать отсюда часть старых своих агентов. Но это только локальные успехи, не меняющие основного. А основное заключается в том, что вопреки казенному патриотизму и оптимизму советских идеологов, уже начался закат коммунистической диктатуры. Постепенно, но неуклонно приближается период национально-освободительных революций, первым предвозвестником которого явилась задушенная советской армией венгерская национально-освободительная революция. Революция приближается! Подумайте о ней, генерал, вспоминайте об этом чаще и пусть, если не совесть русского человека, то хотя бы его смекалка, подскажет всем, что надо делать!

В этом последнем деле да поможет всем Господь Бог!

Протоиерей Д. Константинов

Понимая слагающуюся обстановку и не желая ни в коем случае дать возможность советчикам выполнить предписанную им репатриационную задачу, редакция "Нового Слова" обратилась к эмиграции с "Предупреждением" ("Новое Слово" № 291, май 1957), в котором был дан анализ происходящего в области репатриации, присовокупляя к этому информации о судьбах репатриантов в СССР, о чем уже появились проверенные сведения.

Дополняя свое "Предостережение" целым рядом практических советов по борьбе с провокаторами в имевшихся условиях, редакция выпустила значительным тиражом две антирепатриационные листовки, которые были широко распространены среди всех трех эмиграций. Надо сказать, что листовки возымели свое действие и заставили задуматься весьма многих. Они буквально пошли по рукам. К ним отнеслись с большим интересом, так как они содержали любопытные данные о судьбах уехавших на родину. Они явились также существенным фактором в деле

приостановки репатриации и срыва местных (аргентинских) планов по вывозу эмиграции на "любимую родину".

Просоветская газета "За возвращение на родину" начала активную кампанию против нас. На нас посыпались проклятья. Нас называли "страхонагоняловыми", нашу газету - "паршивой эмигрантской газетенкой", ругали за то, что "вмешиваемся не в свое дело". Но мы продолжали вмешиваться и срывать советское мероприятие. Просоветчиками была опубликована большая статья "Демарш клеветников", посвященная "Новому Слову" и перепечатанная в коммунистических газетах в СССР. Но она не возымела действия.

Уход нескольких пароходов с репатриантами вызвал открытые массовые акции российских антикоммунистов, выступивших перед уезжавшими и провожавшими. Эти акции получили шумный отклик в печати и привлекли внимание всей Аргентины. Уходили пароходы "Энтр Риос", "Санта Фе", "Сальта". Они увозили 3200 человек. Но... 15000 человек, уже готовящихся к отъезду, отказались ехать и остались в Аргентине, а впоследствии эти люди благодарили нас за вмешательство в дело репатриации.

Следующим открытым ударом по советчикам была многочисленная уличная демонстрация в Буэнос-Айресе в 39-ю годовщину октябрьского переворота, совпавшую в 1956 году с венгерской революцией. Организовал ее Союз Российских Антикоммунистов, созданный во время борьбы с репатриацией. Более подробно об этом я писал в статье "Борьба с советской репатриацией в Аргентине. Из истории второй российской политической эмиграции." ("Голос Зарубежья", № 26, стр. 23-33, Мюнхен, 1982 год.) После этого, практически, с репатриацией было кончено. Вдобавок ко всему, через год СРА открыл выставку "40 лет преступлений советской власти", просуществовавшую довольно долгое время. *(В 1967 году, в 50-летие октябрьского переворота, советские власти устроили в Мюнхене павильон с выставкой "50 лет достижений советской власти". В Мюнхене жил тогда представитель второй эмиграции А. Косырев. Он неутомимо и очень успешно собирал материал о советских концлагерях, причем ему удалось собрать необыкновенно много фотографий советских концлагерей и заключенных. Он ездил по всей Германии с лекциями на эту тему. С разрешения городских властей Мюнхена он устроил перед советским павильоном свою выставку фотографий под названием "50 лет преступлений советской власти". Однажды вдруг подъехал грузовик с немецкими коммунистами, они выскочили из грузовика и принялись рвать фотографии. Прежде, чем подоспела полиция, им удалось уничтожить приблизительно треть материала. После этого случая выставка Косырева находилась под охраной полиции.)*

Косыреву не раз угрожали, и ему было разрешено иметь пистолет для самозащиты. Однажды ночью он услышал легкий шум в комнате. Взяв пистолет, он вышел из спальни. Заглянув в комнату, он увидел, как кто-то роется в его бумагах. Тут же второй злоумышленник ударил его сзади по голове. Косырев потерял сознание. Часть его материалов была в результате уничтожена. Кроме того, взломщики взяли его пишущую машинку и разбили ее, бросив на ступени каменной лестницы. Ни деньги, ни ценные вещи похищены не были.

Косырев от удара оправился, но он был уже стар и много болел. Когда Солженицына выслали на Запад, он послал тому свой сохранившийся архив - большая часть его фотографий все же сохранилась. Ответ от Солженицына он так и не получил... - прим. ред.)

Думается, сказанное довольно ясно охарактеризовало роль и степень активности второй волны российской политической эмиграции, занявшей совершенно определенную позицию в российском зарубежье. Все разговоры о том, что она якобы неактивна в политическом отношении едва ли имеют какие-либо основания и являются попыткой дискредитации. Для этого старались и органы советской власти, стараются ныне и представители более поздних эмигрантских волн, особенно - третьей. Причиной тому - плохое знание событий времен Второй мировой войны, непонимание роли и значения второй волны, болезненное отношение ко всему, что так или иначе было связано с Германией, незнание факта неоднородности политического спектра Германии, включавшего в одинаковой степени и фашистские, и антифашистские элементы, что позволяло, например, сотрудничать с официальными немецкими кругами, не имея никакого отношения к партии национал-социалистов, не связывая себя никакими обязательствами перед нею. Особенную досаду вызывают выпады против второй волны и Власовского движения со стороны евреев, очевидно, не знающих, что и та, и другое сделали немало в Германии для их спасения. Во Власовской армии служили евреи - под видом армян, грузин, персов, арабов и еще неизвестно каким прикрытием. Это было возможным, поскольку командовали офицеры из числа прибалтийских немцев, не особо сочувствовавшие гитлеровской власти. Так было, и это подтвердят историки той эпохи.

В заключение следует сказать несколько слов о проявлении второй волны эмиграции на "культурном фронте" российского зарубежья. Уместно вспомнить Мюнхенский институт изучения СССР - научное учреждение, не имевшее аналогов ни в предыдущих, ни в последующих эмигрантских волнах. В отношении этого детища второй волны существовали ранее и существуют поныне весьма холодное, если не сказать больше, отношение элиты первой волны и "безобидное"

замалчивание со стороны третьей. Но полностью замолчать этот факт из истории политической эмиграции сороковых годов едва ли удастся. Вторая волна оставила по себе несколько нерукотворных памятников, среди которых немаловажное место принадлежит Мюнхенскому институту. Отлично организованное научно-исследовательское учреждение заслуживает того, чтобы войти в российскую историю тех трагических лет и явиться несомненным свидетельством того, что претерпевала и что могла сделать нищая зарубежная Русь в своем одиноком и промыслительном странствии по западному миру. Институт был основан в Мюнхене 8 июля 1950-го года как свободная корпорация научных работников и специалистов-эмигрантов из СССР, ставящих своей целью всестороннее изучение СССР и ознакомление западного мира с результатами институтских исследований. Работа его имела весьма трудное начало. (Более подробно об Институте я написал в статье "Мюнхенский Институт. Из истории второй российской политической эмиграции" в "Голос Зарубежья", № 29, стр. 13-21. - прим. автора.) Создатели и немногочисленные сотрудники работали без вознаграждения. Казалось, что само начинание окажется безнадежным с точки зрения перспектив развития: не было средств, не хватало людей. Свообразие и сложность работы института заключались в том, что он по замыслам организаторов должен был стать методологическим центром, объединяющим научных работников-эмигрантов, рассеянных по всему миру. Он явился первым учреждением такого типа, не имевшим прецедента в истории эмиграции. Преодолев трудности, институт расцвел, превратившись в большое и солидное научное учреждение, к голосу которого начал прислушиваться западный мир. В 1953-м году на 3-й конференции института присутствовали более чем 300 научных работников из разных стран, в том числе из Англии, Швеции, Голландии, Турции, Австрии, Италии и других. Распирялась издательская деятельность, начали регулярно выходить "Вестник Института" и другие издания, в том числе многочисленные монографии, привлекая внимание друзей и врагов. Последние действовали несколько "мистически". Казавшиеся им особо опасными издания института исчезали из системы распространения, и их нельзя было достать. Так произошло, например, с первым изданием книги Н. А. Троцкого о концентрационных лагерях в СССР.

Число корреспондентов института и учреждений, с которыми он установил связь, к концу 1953-го года уже достигло 1000. Адресаты находились в 48 странах свободного мира: Абиссинии, Австрии, Австралии, Англии, Аравии, Аргентине, Африке, Бельгии, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Голландии, Германии, Греции, Дании, Египте, Израиле, Индии, Индокитае, Индонезии, Иране, Ирландии, Италии,

Канаде, Ливане, Люксембурге, Марокко, Мексике, Никарагуа, Новой Зеландии, Норвегии, Парагвае, Перу, Португалии, Сирии, США, Тайване, Турции, Уругвае, Филиппинах, Финляндии, Франции, Чили, Швейцарии, Швеции, Югославии, Японии. Институт имел постоянные научные связи более чем со ста научными учреждениями и выполнял заказы по различным темам от множества учреждений.

С 1954-го года своего рода "шефство" над институтом приняли американцы, в лице ряда организаций и учреждений. Они расширили и укрепили институт, но одновременно с этим стали направлять его работу в русло вашингтонских установок в отношении СССР. Это обстоятельство в известной мере нарушило свободу научной работы сотрудников института и вызвало ряд нестроений в его деятельности. Подробнее я писал об этом в упомянутой статье 1983-го года.

Тем не менее, значение института и его исследовательской деятельности для свободного мира определялось тогда рядом фактов. Заимствования и перепечатка работ института в иностранных изданиях, использование их иностранной прессой, отзывы, обращения научных учреждений и отдельных исследователей за справками, многолюдные научные конференции и симпозиумы - все это и многое другое свидетельствовало о важной роли, принадлежавшей институту. Контингент исследователей в различных областях науки, объединившихся вокруг института, был чрезвычайно обширен. Среди них были академики, профессора, доценты, духовенство, инженеры, агрономы, врачи, архитекторы и др. Фактически, институт объединил большинство многонациональной интеллигенции российского происхождения.

Следует отчетливо отметить и следующее. Институт по своему происхождению был стопроцентно эмигрантским образованием. Никто не догадался открыть Институт по изучению СССР, кроме инициативной группы, целиком состоявшей из представителей второй волны эмиграции. А вполне могли бы это сделать - открыть, например, в Париже или Берлине силами первой эмиграции. И первое время в Мюнхене работали почти исключительно эмигранты второй волны. Впоследствии, когда институт уверенно почувствовал себя в стихии мирового политического океана, в нем стали работать и представители первой волны, и послевоенные эмигранты, постоянно просачивавшиеся все годы, правда, в очень ограниченном количестве.

Советская власть мрачно следила за деятельностью Мюнхенского института и даже выписывала его издания. Она по достоинству оценила его работу, назвав в своих газетах наиболее ярким представителем антисоветизма и антикоммунизма. Притаившись и следя за работой института, в Кремле выжидали момент, чтобы наложить на него свою руку.

И такой момент наступил. Задача советской власти заключалась в том, чтобы уничтожить институт именно западными руками. Роковой удар нанесла политика так называемой “разрядки” в ее “восточном понимании” руками ее творцов, пытавшихся впоследствии оправдаться тем, что Москва-де переделала на свой лад “хорошую политику детанта по-западному”. Одним из “пожеланий” московских компаньонов было немедленное закрытие Мюнхенского института, что и произошло 12 июня 1972 года, в самом расцвете его существования. Причем, власти так торопились сделать “подарок” товарищу Брежневу, что не успели как следует провести ликвидацию имущества института.

Заканчивая заметки о второй волне российской эмиграции, взятой в плане личного участия в деятельности второй волны, мы полагаем, что все сказанное в коротком очерке в достаточной мере ясно характеризует ее роль и подлинное значение, как сделавшей очень многое для освобождения России от коммунистической диктатуры, а также просвещения западного мира в отношении оценки большевизма и его мировых претензий. И, если то, что мы делали, частично и не удавалось нам, то общей оценки деятельности второй эмиграции и признания ее заслуг это не может изменить.

США, 1995

Послесловие

О второй, военной эмиграции написано мало. В советское время, в СССР, ее, конечно, чернили, но при этом старались о ней не писать, даже и негативно. Неприятно было бы признаться, что приблизительно два миллиона русских и людей других национальностей ушли вместе с отступавшей армией противника, боясь расправ со стороны Сталина или не желая более жить под его кровавой диктатурой. То, что диктатура Гитлера быстро шла к концу, всем было ясно. Но и демократические страны, на которые эти новые эмигранты возлагали надежды, поначалу их не оправдали. В угоду Сталину они выдавали русских антикоммунистов на расправу. Англичане ныне признали свою вину за выдачу Сталину казаков в австрийском городе Линце, и даже поставили в Англии памятник погибшим казакам. Но США до сих пор отказываются рассекретить документы операции, цинично названной ими “операцией килевания”. Напомним тем, кто не совсем понимает, что это означает. У

моряков до сих пор есть или, во всяком случае, был обычай протаскивать новичков под килем корабля. Эта операция "килевания" мучительна, т.к. человек должен какое-то время не дышать, и даже опасна, поскольку человек может захлебнуться. Но подавляющее большинство ее выдерживает и возвращается на корабль в нормальную жизнь. Выданные Сталину, по крайней мере большинство из них, никуда не вернулись - были расстреляны, частью - повешены или погибли в концлагерях. Американцам и сейчас не хочется вспоминать об этом их варварстве, а потому и в свободном мире о второй эмиграции пишут мало, скудно и часто неверно. В Германии же, где, казалось бы, этот вопрос должен заинтересовать исследователей, - ведь люди бежали с ее отступавшей армией, и Германия, хоть и разоренная войной, первая приняла всю эту массу беженцев, - исследования Второй мировой войны не выходят за рамки клише чисто военных операций и преступлений нацистов.

Так вторая волна русской эмиграции оказалась вне поля зрения большинства историков мира. Мы публикуем статью протоиерея Д. Константинова как вклад в историю второй эмиграции, который, конечно, охватывает лишь небольшую часть всех ее аспектов и естественным образом представляет субъективную точку зрения автора.

В. Пирожкова

Протоиерей *Д. Константинов*

Искушения в пустыни

Перед началом своего общественного служения Иисус Христос удаляется в пустыню, где и остается совершенно один в продолжении сорока дней и ночей. В течение этих сорока дней Господь соблюдает строгий пост и, как отмечает евангелист Лука (IV, 2), вообще не принимает пищи. Этим Он как бы дает нам указание о необходимости поста для каждого христианина, показывает возможности, которыми в данном отношении потенциально обладает каждый человек, не отвергает разнообразие форм, в которых может протекать пост.

Пост был известен почти всем религиям и, в частности, иудейской, но Основоположителем христианского поста является Сам Спаситель, давший нам пример его во время своего пребывания в пустыне.

Для чего Господь удалился в пустыню? Для чего Он там постился?

Христос приступал к своему общественному служению, длившемуся в общем очень недолго, но давшему всем известные результаты в виде создания мировой, истинной, предельно совершенной религии. Начиная это служение, Господь хотел остаться некоторое время совершенно один, пребывая в молитвенном единении с Отцом в молитве и посте, переживая те пути духовного делания, которые должны были привести к мирному “завоеванию” мира христианством. Таким образом, внутренняя подготовка к подвигу служения людям заключалась в молитве и в полном уединении, дающем возможность уйти от какого бы то ни было людского влияния и, наконец, в посте, укрепляющем дух. Сорок дней длилось это одиночество, сорок дней длился пост, сорок дней Господь находился в состоянии борьбы с искушениями, открывающими ложные пути мессианского служения, которые были Им отвергнуты.

Вот на этих путях общественного служения, которые Господь отверг, находясь в пустыне, мы сосредотачиваем наше внимание, ибо они особенно ярко вскрывают как сущность христианства, так и сущность тех отклонений от него. Которые мы часто встречаем в жизни.

Как повествует евангелист, “и приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами” (Матф. IV, 3). Что означает это искушение? Оно говорит, что в данном случае материальные ценности, эмблемой которых является хлеб, умышленно возводятся на первую, высшую ступень потребностей человека. Другими словами, искушитель предлагает Иисусу пойти по легкому пути, пути весьма эффектного, неограниченного привлечения людей к Себе, широко

предоставляя им те материальные блага, которых им не хватает в жизни для безбедного существования, которые они любят и перед которыми нередко преклоняются, часто не сознавая этого. Это прежде всего путь социального реформаторства, путь активной социально-политической борьбы, путь напряженного искания лучшего устройства земной жизни. Как известно, многие идут именно этим путем.

Господь отвергает данное искушение. Он говорит: “не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих” (Матф. IV, 4). Что означают эти слова? Являются ли они свидетельством того, что христианство вообще отвергает какое бы то ни было значение материальных благ в жизни человека? Именно так утверждают многие материалистические критики христианства, говоря, что последнее пренебрежительно относится к внешним условиям жизни человека и даже учит людей презирать их. Это совершенно неверно. Христианство отнюдь не отвергает значения и важности нормальных материальных условий жизни людей, но в принципе считает, что приблизительной нормой в данном отношении являются условия существования средней материальной зажиточности, характерные для данной эпохи и типичные для данной страны. Почему сложилось такое мнение? Потому что путь борьбы за высокий стандарт жизни безбрежен и, по существу, не имеет конца, погружая людей в бесконечное барахтанье, из которого почти невозможно вырваться. Преклонение перед материально-душевыми ценностями, бесконечная борьба за них, как показывает практика, ведет к разложению общества, пресыщенного материальным благополучием, создает предпосылки для его собственного самоуничтожения. Некоторые современные передовые страны настолько подняли уровень жизни населения, что довели его до абсурда, создавая условия предельной изнеженности и избалованности, лишая людей возможности объективно осознать свое положение и оценить его положительные для них стороны. Христианство в принципе стоит за справедливое распределение материальных благ между людьми и возражает против нищеты, обездоленности и бездомности одних и чрезмерных избытков у других. И если некоторые современные государства не могут или не хотят справиться с этими своими недостатками, то будет совершенно справедливо сказать, что в этих государствах что-то не в порядке. Но одновременно христианство считает, что физические условия жизни людей являются хотя и очень важными, но не главными. Главное в жизни - это не “хлеб”, а духовное начало, слово, исходящее из уст Божиих, духовная сторона жизни людей. Если бы Христос не отверг искушение хлебом, то Он стал бы обычным социальным реформатором, каких много знает история. Его служение в этом случае было бы служением не духовным, а

материальным ценностям, и этим был бы снят вообще вопрос о христианстве, ибо последнее - это прежде всего религия духа. Таким образом, отказом от первого искушения устанавливается приоритет духа над материальной средой.

Значительно тоньше второе искушение, через которое проходит Спаситель.

“И возвед Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое” (Лука IV, 5-7).

Иисус отвергает и это искушение. Отвергает Он его потому, что христианство не ищет земной власти, славы и земного авторитета. Христианство должно привлекать к себе людей совершенно добровольно, своей духовной стороной, между тем, как обладание земной властью является основанием для оказания на людей какого-то давления, отнятия у них права свободного выбора. Сочетание земной власти с христианством ведет к явному нарушению указанного принципа. Кроме того, земная власть означает одновременно и известное право на насилие в той или иной форме, а всякое насилие абсолютно отвергается христианством. Применение принципа насилия, хотя бы даже в виде авторитета земной власти, является уже полнейшим искажением принципов религиозной свободы. Кроме того, земная власть предполагает, конечно, и владение земными материальными благами практически в неограниченных масштабах. Без них она существовать и функционировать не может. Таким образом, второе искушение, будучи скорее психологическим, одновременно, в смысле материальности тесно связано с первым и является его дальнейшим логическим развитием. Если первое искушение относилось к области чисто материальной жизни, то второе относится к области душевной жизни человека. При этом надо учесть и следующее. Большинство людей любят власть и охотно проявляют ее. Многие люди преклоняются перед ней, признают ее едва ли не единственным авторитетом. Одновременно тысячи и даже миллионы людей не замечают, а если замечают, то проходят мимо и не придают ни малейшего значения весьма ценным и значительным во многих отношениях людям только потому, что они не обладают властью. Но зато они часто готовы расписаться перед очередным ничтожеством, обладающим в данное время властью, но которое может оказать то или иное влияние на нашу судьбу. Такова “диалектика” тех искушений, которые были предложены дьяволом Спасителю во время Его пребывания в пустыне.

Наконец, наиболее тонко и по своему духовно третье искушение.

“Потом берет Его диавол в святыи город и поставляет его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: “Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешся о камень ногою Твоею” (Матф. IV, 5-6).

В чем же сущность данного искушения? Оно заключается в том, что искушитель предлагает Господу идти по пути совершения многих чудес и этими чудесами привлечь к Себе людей, которые пойдут за Ним. Другими словами - это путь духовного господства над людьми, духовного насилия над ними. Привлечение людей одними чудесами означает путь создания себе определенного чудесного ореола, духовного авторитета, за которым должна будет устремиться падкая до всего необычного толпа. Речь идет о потакании вкусам “улицы”, подчинении вульгарным и примитивным стремлениям толпы.

Больше того, речь идет о сведении на нет земного подвига Спасителя. Люди в этом случае пойдут за Ним не по внутреннему духовному влечению, а по духовно-внешнему признаку совершения чудес, при этом часть из них попытается извлечь себе те или иные выгоды. Это именно так... Другими словами, принцип добровольности, принцип абсолютной духовной свободы выбора будет в этом случае опять нарушен, так как на него будет давить и влиять необычайность чудес, совершаемых Спасителем.

Во время своего земного служения Господь совершил немало чудес, но эти чудеса совершались Им параллельно Его проповеди и были прежде всего делами бесконечного добра, а не фактами, только создававшими духовный авторитет Спасителя.

Отвержение трех искушений вывело христианство на путь абсолютного господства в нем духовного начала, на путь отказа от всякого насилия, на путь абсолютной духовной свободы, права совершенно свободного и независимого духовного выбора для человека. И эти принципы остаются и по сей день духовными сокровищами христианства. Но эти ценности христианства, их становление в жизни и пути, ведущие к ним, нелегки и исполнены больших трудностей. Нелегко по ним идти. Но тот, кто пойдет по ним, войдет в мир подлинно вечных ценностей, осмысливающих и освящающих человеческую жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
<i>С Рождеством Христовым!</i>	2
<i>В.Пирожкова</i>	
Потерянное поколение (<i>продолжение</i>)	6
<i>М.Салье</i>	
Безнравственность-кредо коммунизма ("Христианин" Зюганов)	25
<i>Р.Гальцева</i>	
Под сенью Вавилонской башни	34
Протоиерей о. <i>Димитрий Константинов</i>	
"Баллада" о российской эмиграции	40
<i>В. Пирожкова</i>	
Послесловие	65
Протоиерей о. <i>Димитрий Константинов</i>	
Искушения в пустыне	67

Уважаемые читатели!

Редакция будет признательна за любые отклики и пожелания, которые просим направлять по адресу: **198261, Санкт-Петербург, а/я 322**